

МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ

Н. Д. Арутюнова

×

ВРЕМЯ: МОДЕЛИ И МЕТАФОРЫ

Если строить абстрактную модель времени невинно и непредвзято, то она проста. Время одномерно (линейно) и необратимо. Оно подобно цифровому ряду. Эта модель может быть представлена в виде прямой линии, ориентированной в ту или другую сторону. Время в ней формально. Оно отвлечено от мира и человека. Прямая задает последовательность точек, но не последовательность каузально связанных событий.

На первый взгляд, время отделимо от человека. Оно невидимо, неслышно, неосвязаемо. Оно не имеет ни запаха, ни вкуса. У человека нет органа, специализированного на восприятии времени, но у человека есть чувство времени. Оно порождено восприятием изменений в мире. Его основной источник — космическое время — смена времен дня и сезонов года. Чувство, рожденное временными циклами, человек перенес на линию времени. Формула «всему свое время» применима к природе, к жизни человека, равной одному естественному циклу, и к истории, в ходе которой нет циклов. Экклезиаст ставит в один ряд сроки природы (*Время насаждать, и время вырывать посаженное*), жизни (*Время рождаться, и время умирать*) и истории (*Время войне, и время миру*).

Точно так же, как детерминировано природное время, диктующее «естественную» деятельность человека, предопределен ход истории. Чувство изменений в природной среде аналогично чувству исторических перемен. Христос говорил народу: «Когда вы видите облако, поднимающееся с запада, тотчас говорите: „дождь будет“; и бывает так. И когда дует южный ветер, говорите:

15

„зной будет“; и бывает. Лицемеры! лице земли и неба распознать умеете; как же времени сего не узнаете? Зачем же вы и по самим себе не судите, чему должно быть?» (Лк 12, 54–57). В библейских текстах слова времени (*время, день, час*) регулярно употребляются в значении 'срок' — время, уготованное для некоторого события. Человек должен чувствовать приближение срока так же, как он чувствует приближение весны или дыхание осеннего ветра: *Уж небо осенью дышало, Короче становился день...*

О. Шпенглер писал: «То, что не только человек, но уже и зверь, чувствует вокруг себя как властное присутствие судьбы, определяется им на ощупь, на глаз, на нюх как движение, каузально застывшее перед напряженным вниманием. Мы *чувствуем*: дело идет к весне..., но мы *знаем*, что Земля, вращаясь, движется в мировом пространстве и что время весны „составляет“ 90 таких вращений — дней — Земли» [3, 335]. Чувство времени и предчувствие будущего мобилизует все перцептивные возможности человека.

Итак, у человека нет специального органа для восприятия времени, но именно время организует его психический склад. Время отделимо от человека, но человек неотделим от времени. Если чувство времени основано на восприятии природных циклов, то психические структуры связали себя с линейным временем, расчлененным «точкою присутствия» на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее. Это членение вытекает из главного условия, определяющего положение человека в мире: укрытостью от него будущего, известностью (пережитостью) прошлого и данностью (переживаемостью) настоящего.

С прошлым человек связан памятью, сожалениями и раскаянием, опытом и знанием фактов. К будущему отнесены желания и надежды, страхи и предчувствия, планы и замыслы. С растяжимой («бегущей») точкой настоящего человек связан непосредственными ощущениями: восприятием и чувствованием. Настоящего как бы нет, но только в нем возможны прямые контакты с действительностью. Только в настоящем человек «присутствует» в мире. Присутствие человека в мире наполняет «формальное время» событиями, а темпоральная организация психики позволяет говорить о времени как единстве «взаимного протяжения наступающего, осуществившегося и настоящего» [1, 399].

Фактор времени, таким образом, играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека — в моделировании времени. Ведь именно человек находится в точке присутствия, которая условно членит линию времени на составляющие. Войдя в модель времени, человек внес в нее два сложных и

противоречивых компонента: точку, движение, а вместе с движением направление движения. Точка присутствия стала одновременно и точкой зрения. Точка движется, вместе с нею движется время, а вместе с временем движется по линии времени событийный мир. Все приходит в движение. Сокращаются и удлиняются расстояния, меняется точка зрения. Рушится единая и непротиворечивая модель времени. Точка «Теперь» (Т-точка) передвигается в сторону будущего. Графически это обычно представляют как движение вправо. Хронологический дубликат Т-точки — точка-как-дата-и-событие — движется тем самым в прошлое, то есть влево. Моделирование времени в терминах пространства и движения неминуемо влечет за собой противоречия. «Время рождает пространство, пространство же убивает время» [3, 335]. Вместе с тем моделирование времени по данным языка не может миновать пространственных категорий: ключевые метафоры времени основываются на локальных и динамических значениях. Их употребление противоречиво. Избежать противоречий можно лишь допустив множественность моделей времени, присутствующих в обыденном сознании людей и отраженных в «языке времени», построенном, как и языки других отвлеченных понятий, на метафорах и аналогиях. Языковые модели времени могут быть разделены на такие, в которых главной фигурой является человек, и такие, которые ориентированы на само время.

В первом случае линия времени репрезентирует течение жизни или линию судьбы; во втором — движение природных веществ — воды или воздуха. Назовем первые моделями Пути человека, вторые — моделями Потока времени.

Сближение моделей времени и моделей жизни естественно. Жизнь протекает во времени и подчинена его законам. Как и время, жизнь человека необратима и одномерна (линейна): каждый наступающий момент времени снимает альтернативы. Даже кривой путь прям. Жизнь измеряется в единицах времени. Она имеет начало и конец. Воплощенность времени в земном существовании заставляет различать конечное время и вечность. Конечное время наблюдаемо в изменениях, вечность их останавливает.

Идентификация времени с жизнью человека характерна для феноменологии и особенно экзистенциализма. М. Хайдеггер представлял время как единство «бытия в мире» (прошлого, In-der-Welt-sein), «бытия при внутримировом сущем» (настоящего, Sein-bei-innerweltlichem-Seiendem) и «забегания вперед» (будущего, Vorweg-sein).

Модель Пути основана на метафорах движения (*идти, придти, проходить, приближаться, наступать* и др.) и места, занимаемого Путником в строю идущих (*перед, позади, назад, после, следом* и др.).

В представлении ветхого человека по проложенному во времени Традиционному пути *впереди* шествуют *пред-ки*, *потом* идут *потом-ки*, *след-ом* за *перво-проход-цами* *след-уют* их *по-след-ователи*. Прошедшее (ушедшее) открыто взгляду путников. Будущее открывается им по мере перехода в настоящее-прошедшее.

Пространственная метафора Традиционного пути и движущихся по нему людей предполагает определенную ориентацию. Путник обращен лицом вперед по ходу движения. Это видно уже по тому, что предлог *перед* указывает на лицо, фасад: *передо мной* значит «перед лицом моим», *перед домом* — «перед фасадом дома». В модели Традиционного пути люди идут по следам своих *пред-шественников*: они обращены лицом в прошлое. Они *след-уют* за своими *пред-ками* и *на-след-уют* их формы жизни. Человек идет в освещенное прошлое, а не в затемненное будущее. Он выполняет заветы предков, регламентирующие его жизнь и поведение, хранит предания старины глубокой. Прошлое спрессовано для него в архетипы. «Архаическое человечество защищалось, как могло, от всего нового и необратимого, что есть в истории» [4, 64]. Экклезиаст говорит: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было» (Эккл 3, 15).

С моделью Традиционного пути связаны такие слова, как *пред-ки* и *потомки*, *предшествовать* и *следовать*, *предшественники* и *последователи*, предлоги *перед*, *за*, *позади*, *следом* и др. В них все *пред-* и *перед-* обращены в сторону прошлого, того, что было раньше, но локализованы *впереди* (перед лицом) идущего; все *след-* обращены в сторону будущего, но расположены позади путника. Направление движения в модели Традиционного пути можно графически представить двояко: слева направо и справа налево. Мы предпочитаем этот последний вариант. В нем (будущее занимает привычную правую позицию, а прошедшее — левую. Движение, однако, идет в сторону прошлого. Это не соответствует укорененному в современном сознании представлению, но согласуется с направлением строки в таких письменностях, как арабская, персидская, афганская, древнееврейская и др. Главной фигурой модели Традиционного пути является Путник, но он не одинок. Двигается народ, племя, поколение за поколением уходя в прошлое. Локализация старого и нового времени и старых и новых поколений совпадает: старое время и старое поколение вместе уходят в прошлое.

Модель Традиционного пути имеет своим аналогом очередь (с тем различием, что в ней никто не может пройти без очереди) или шествие, возглавляемое старейшинами. И очередь, и шествие описываются в терминах модели Пути; ср.: *стоять (идти) впереди (сзади) кого-нибудь, за кем-нибудь, быть следующим, быть первым (последним)* и т. п.

Модель Традиционного пути не противопоставлена модели Потока времени. Они однонаправлены. Ветер времени дует идущим в спину, поток уносит их к праотцам. На смену им приходит из будущего новое время и новое поколение. О времени и локализованных в нем событиях говорят в тех же терминах, что и о Пути. «Язык времени» основывается на метафоре движения из будущего в прошлое. Все, что следует (*следующий день, год, мгновение, следующая остановка, последствие, наследование, последний*), идет вслед уходящему (*пред-идущему*) в прошлое. Этот же принцип прослеживается в выражениях *прошлый год, прошедшая неделя, уходящий год, наступающий Новый год*, а также в предикатах «времени»: *время приходит, проходит, уходит, приближается, грядет, минует, течет, длится, тянется* и т. д. В этой модели более важно движение — продолженность и продолжительность — времени, чем его точечная локализация. Это хорошо согласуется с метафорой потока, течения, хода времени. Когда говорят «Прошло два часа», имеют в виду долготу времени, а не точку на циферблате. Само настоящее время представляется не как точка, а как дление, длительность. Немногие глаголы из числа перечисленных выше принимают дополнения точечного времени: *миновала полночь*. Такая сочетаемость может объясняться тем, что слово *полночь* относит к точке через апелляцию к длительности: *миновала полночь* значит «миновала половина ночи». Гораздо менее естественны выражения типа *миновало полшестого*, в котором *пол* относится к половине одного часа, то есть точка не задается длительностью; ср. также: *Мне минуло шестнадцать лет* и *Минуло мое шестнадцатилетие*. Из числа глаголов движения со словами точечного времени сочетаются *приближаться* и *наступать*: *Приближается два часа, Наступило три часа пополудни*. Даже глагол *приходить* соединяется только с именами продолженного времени: *Пришел день (час) свадьбы*, но не **Пришло два часа, Пришла минута прощания*, но не **Пришла половина третьего*; ср. также: *Пришел день праздника*, но *Наступило 25 декабря*. Глагол *наступать* указывает на пересечение границы, разделяющей отрезки времени, а *приходить* вводит прямо *in medias res*. Это объясняется тем, что

глагол *приходить* сосредоточен не на самом времени, а на локализованных во времени событиях, происходящих в жизни человека или природы: *пришла весна*.

Ориентация на продолжительность времени, по-видимому, составляет архаичную черту данной модели: время соотносится не с точками на часах того или другого вида и даже не с календарными датами, а с естественно выделяемыми периодами дня или года.

Итак, рассмотренные две модели — Традиционного пути и Потока времени — согласованы друг с другом. Они хорошо дополняют друг друга, но вместе взятые они не могут составить целостного представления ни о времени, ни о жизни. В обеих моделях течение времени обратно хронологической последовательности. Поэтому ни одна из них не обладает текстообразующим потенциалом. Модель Традиционного пути не задает текста жизни; модель Потока времени не задает текста исторической хроники или летописи. Ни в одной из них не отражены каузальные отношения между событиями. В модели Пути отсутствует понятие целеполагания. Человек всецело подчинен судьбе и непосредственным требованиям времени. Он живет «по образу и подобию» своих предков (см. Книги Моисеевы, особенно Левит, Числа и Второзаконие).

Наступление Новой эры резко изменило модель Пути. Иоанн Креститель говорит об Иисусе Христе словами пророка Малахии (Мал 3, 1): «Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня» (Ин 1, 15; ср.: Мф 11, 10; Мр 1, 2). Выражение *идущий за мною* локализует Иоанна впереди, он *Предтеча*. Христос же идет за ним следом. Потом ситуация меняется: Христос становится впереди Иоанна. Этим вводится в фокус их ценностное соотношение. Иисус говорит об Иоанне: «Сей есть тот, о котором написано: „Вот Я посылаю Ангела Моего перед лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою“» (Лк 7, 27.). Миссия Иоанна — свидетельствовать о Христе. В модели Традиционного пути ценится первенство и первородство. Первенство осмысливается как *пра*-существование. Оно неизменно. Поэтому положение Христа впереди Иоанна мотивируется тем, что он был *прежде*, т. е. в самом деле *предшествовал* Иоанну. Это акцентируется и в других местах Евангелий: Иисус говорит: *...прежде, нежели был Авраам, Я есмь* (Ин 8, 58); *...ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира* (Ин 17, 5). До явления миру Иисус Христос называется Предвечным Словом (Логосом). Его учение соответствует

вечным ценностям. Оно лишь было принесено в мир Христовой проповедью.

Итак, Иоанн Предтеча говорит об учении Христа в терминах Традиционного пути как об учении изначальном и потому истинном. Между тем сам Христос называет его Новым Заветом: *...сия чаша есть новый завет в Моей крови, которая за вас проливается* (Лк 22, 20). Мир начинает обновляться. Тема обновления проходит через весь Новый завет: *...но ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве* (Рим 7, 6).

Одновременно с приходом нового падает престиж старого — бывшего раньше, прежнего, проходящего и уходящего в небытие: *Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор 5, 17). Новое предстает как приходящее на смену старому, вытесняющее его из жизни. Притча о вине молодом и ветхих мехах кончается призывом к забвению прежних предписаний, поскольку «никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше» (Лк. 5, 39.). Точно так же важна для Нового завета тема изменения в порядке следования: *...многие же будут первые последними и последние первыми* (Мф 19, 28). Первенство оправдывается личными заслугами; ср. притчу о работниках в винограднике (Мф 20), в которой первые уравниваются с последними по милости и благодати Божией. Между тем в традиционном римском обществе картина была иной. Римские авторы называли *новым* (homo novus) человека, вышедшего из низшего сословия, противопоставляя его homo antiquus — людям древнего и благородного происхождения.

В разные эпохи отношение к старому и новому испытывало колебания. Вместе с тем неуклонно и неукоснительно возрастал престиж новизны. Тяга к открытиям, изобретениям, начинаниям, социальным изменениям и революциям охватывает человечество. Одновременно ослабевает обаяние старого. Соответствующие слова постепенно приобретают отрицательные коннотации в применении к человеку, времени, мыслям и даже стилям в искусстве. Выражение «старо» или даже «старо как мир» звучит как приговор.

Старина находит себе место в музеях и коллекциях, в стилизации и пародиях. Она сохраняется в ритуалах и обрядах, но их роль в социальной жизни идет на убыль. Новое время проходит под знаком нового концептуального комплекса, объединяющего понятия новизны, современности, движения вперед — прогресса. Формируется идея социального развития. Покорение пространств

постепенно уступает место покорению времени. Сама быстрота движения в пространстве обеспечивает быстроту движения во времени.

Человека привлекает все новое: новшества, нововведения, новые формы жизни, новые моды, технические новинки, новые идеи и концепции, новые мысли и теории, новые учения и новая вера, новые методы и новое искусство (ср.: авангард, модерн и постмодерн, *art nouveau*, *Jugendstil*, «новый роман» и др.). Его влекут перестройки, переделки и переделы, перевороты и революции, переустройство и переименование. Человек прочно забывает старое только затем, чтобы превратить его в новое. *Novagum regum cupidus* — жаждущий новизны — так был назван человек уже в первые века нашей эры, и этому определению в еще большей мере отвечает современный человек. Само понятие нового человека стало ассоциироваться уже не с христианином, принявшим завет любви к ближнему, а с завоевателем жизни, мало считающимся с интересами ближних.

Роль нового в жизни подтверждается данными языка. Корень *нов-* весьма продуктивен; ср.: *новь*, *новинка*, *новшество*, *новость*, *новизна*, *новичок*, *обнова*, *обновление*, *вновь*, *снова*, *заново* и др. Особенно продуктивен компонент *ново-* в составе сложных слов: ср.: *новорожденный*, *новообретенный*, *новоиспеченный*, *новообращенный*, *новобранец*, *новобрачный* и др. Всего в словаре Д. Н. Ушакова содержится 31 слово этого типа, но Даль приводит более 150 слов с элементом *ново-*. Заканчивая перечень, он пишет: «Всех слов подобного образования столько, что их не соберешь; они составляют всяким по надобности» (т. 2, 551). Этот факт тем более показателен, что словарь Даля отражает в основном лексику устойчивой традиционной жизни. Элемент *ново-* характерен также для топонимии, ср.: *Новоград*, *Новочеркасск*, *Ново-место* и др. В Атласе мира (М., 1955) зафиксировано 120 топонимов, включающих элементы *ново-*, *нов-*, *новый*, *нова*, *нови*, а также 52 названия, начинающихся с *ню-*: *Нова-Баня*, *Нова-Гута*, *Новая Земля*, *Новые Петушки*, *Нью-Касл*, *Нью-Лондон* и т. д. В то же время элементы *старый* и *старо* образуют всего 36 топонимов, а их английский аналог *old* входит только в пять названий, включенных в упомянутый атлас. Разумеется, в топонимии эти элементы могли выполнять (и выполняли) чисто дифференцирующую функцию, а маркеры «нового» указывали также на исторические корни основателей населенных пунктов, но они всегда были в то же время знаками движения вперед, обновления жизни.

Христианство сделало человека свободным в выборе пути. Путь изменил направление. Человек идет теперь в невидимое будущее и обращен спиной к прошлому. Путник стремится не столько прозреть, сколько создать будущее. Он занят прогнозами и утопиями. Ветер времени дует ему в лицо. В модель жизни вошло целеполагание. Цели (планы, замыслы, проекты и прогнозы) могут быть локализованы только в будущем. Движение к цели есть движение в будущее. «Мы движемся „вперед“ — навстречу будущему, приближаясь не только к цели, но и к старости, и ощущаем также каждый взгляд назад как взгляд на нечто минувшее, ставшее уже историей» [3, 335]. Центральная фигура этой модели — личность, новый человек, и он активен. Он призван не столько прожить, сколько творить свою жизнь. Итак, Путник идет теперь вперед, т. е. в графическом (пространственном) представлении слева направо, из прошлого в будущее. На этом пути человек обращен лицом к будущему. Поэтому знаки *предстояния* меняют свою ориентацию. Это было отмечено Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым, см.: [2, 237]. *Перед* поворачивается в сторону будущего; ср.: *предстоящая неделя, предстоящие выборы, перед человеком открывается будущее, впереди его ждут великие дела, впредь он будет вести себя благоразумно* (*впредь* имеет только временное значение и сочетается только с будущим временем), *наперед не надо ничего загадывать* и т. п. Сочетания типа *перед войной, перед экзаменами* подразумевают обращенность человека лицом к будущему событию. Соответственно меняет свою ориентацию *назад* (*сзади, позади*). Оно обращено к прошлому; ср.: *все несчастья остались позади* (= в прошлом), *оглянуться назад* (= оглянуться в прошлое), *две недели тому назад*. «Назад к Муфусайлу!» — призыв вернуться к первобытным формам жизни.

На значение следования также упала тень Пути нового человека. Когда говорят о *следующем дне* (*минуте, разе*), ассоциируют понятие следования не столько с тем, что ему предшествовало, сколько с проекцией в будущее: *отложить до следующего раза* значит «отложить до будущих времен», на *следующей неделе* может употребляться в значении «на будущей неделе». Проекция в будущее вуалирует точку отсчета, ср. также: *преследовать цель*.

Изменение направления движения в модели Пути повлияло также на представление о времени. Основной лексикон движения времени сохраняется: *время наступает, приходит, проходит, уходит, приближается, отдаляется*. Но метафора направленности движения в нем ослаблена. Так, сочетание *время идет*, в ко-

тором направленность движения не выражена, неоднозначно; ср.: *время идет (шло) и время идет (шло) к весне*. В первом случае имеется в виду время, уходящее в прошлое, во втором оно движется в будущее.

Человек стремится изменить направление не только течения рек, но и потока времени, приглашая его идти вместе с собою в будущее. Поскольку скорость их движения различна, он бросает времени вызов; ср.: *знать за временем, опередить (обогнать) свое время, не отставать от времени, шагать в ногу со временем*. Призыв «Время, вперед!» (название романа В. П. Катаева) аналогичен побуждению, обращенному к человеку: «Вперед, в будущее!». В таких выражениях метафора жива. Говорящие ее чувствуют. Время здесь ассоциируется с понятием прогресса, развития. Это движение по восходящей. Движущееся время наполнено конкретным жизненным содержанием.

Итак, в модели Пути нового человека время как бы движется вместе с человеком в будущее. Вследствие этого понятие «старого» в ней противоречиво: старое время неизменно находится в стороне прошлого, старость ждет человека в будущем. Будущее обновляет время, но старит человека. В этом отношении, как отмечалось, модель Традиционного пути была более гармонична: время и поколения людей, появляясь из будущего, были новы, а уходя в прошлое, постепенно старели. Старина совпадала со старостью, новизна — с молодостью. Изменения в модели Пути отразились также на понятии первенства. Оно ослабило связь с понятием прасуществования, прародителя, «первого человека». Первооткрыватели и первопроходцы обратили свое лицо в будущее. За ними идут их последователи, хотя хронологически их деятельность падает на более поздний период. Их место одновременно и сзади, и впереди Учителей и Вождей.

Таким образом, претензии человека на свободное строительство жизни и совместное с временем движение вперед обернулись концептуальными неполадками. Они повлекли за собой противоречия в употреблении слов времени. Лежащие в их основе пространственные значения последовательны, производные от них временные значения противоречивы: ср.: *пред-стоящий* (= будущий) и *пред-идущий* (= прошедший). Пространство доступно непосредственному восприятию, и его модели в обыденном сознании устойчивы. Пространство описывается в терминах слов, употребленных в их прямом значении. Время восприятию недоступно, и его модели изменчивы. (В книге американского писателя А. Лайтмана «Сны Эйнштейна» предложено 30 различных моде-

лей времени.) Время описывается в метафорических терминах, легко допускающих противоречия. Претерпеваемые моделями времени изменения тем более радикальны, чем теснее связывается понятие времени с жизнью человека, его мироощущением и с происходящими в мире историческими процессами.

Необходимость в снятии концептуальных противоречий ведет к созданию некоей универсальной, стоящей над категориями обыденного сознания и чувством жизни хронологической модели — модели исторического времени, в которой временная последовательность событий получает каузальную интерпретацию. Поскольку причины предшествуют следствиям, в хронологической модели время вместе с наполняющими его событиями движется из прошлого в будущее. Хронологическая модель обладает способностью к текстобразованию. На ней основаны хроники и биографии, прогнозы на будущее и предсказания, касающиеся последствий текущих событий.

Наряду с этой внешней по отношению к языку моделью времени, существует и внутриязыковая модель, конститутивным компонентом которой является точка присутствия в ней говорящего, от которой идет отсчет времени вправо — в будущее и влево — в прошедшее. Хронологическая модель в своем стремлении к единству подавляет точку присутствия хрониста, располагая события на общей «линии следования». Не случайно в хрониках часто используется *praesens historicum*. Внутриязыковая модель, напротив, постоянно разбивает линию времени точкой присутствия, задающей разную направленность движения времени — вперед, в будущее и назад, в прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Хайдеггер. Время и бытие. М., 1993.
2. Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейсис. М., 1992.
3. О. Шпенглер. Закат Европы. М., 1993.
4. М. Элиаде. Космос и история. М., 1987.

К. Г. Красухин

ТРИ МОДЕЛИ ИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

1. Человек отличается от животного способностью к планированию и моделированию своей деятельности, а также к воспоминаниям. Реакция животного на прошлое обычно предстает в форме условного рефлекса, предписывающего однозначную реакцию на раздражитель и не допускающего осмысления ни раздражителя, ни рефлекса. Связь с будущим иногда осуществляется через так называемый инсайт (от англ. *insight*) — внезапное принятие решения в нестандартной ситуации. В случае ее повторения инсайт может сформировать новый условный рефлекс. Но условный рефлекс — это реакция на регулярное воздействие внешней среды, а инсайт связан только с непосредственным будущим, формирующимся в настоящем. Подлинное, цельное восприятие прошлого (т. е. память) и способность на его основании моделировать будущее, планировать в нем свою деятельность — это характерная черта человека. Восприятие будущего — основа всякой целенаправленной деятельности, а память — культуры.

Итак, человек воспринимает время. Но время, в отличие от пространства, нематериально и не доступно ни одному из пяти органов чувств. Однако оно является базовой категорией языка. Когда мы говорим, мы предсказываем (это тавтология, ибо *praedictare* и означает «возвещать»). Предсказывая же, мы обязательно соотносим высказывание с моментом речи, хотя иногда это соотношение может быть не выражено явно. В этой связи отметим, что иногда наличие темпорального слова позволяет отличить предикативное высказывание от непредикативного. Так, выражение *Старик в тулупе* может быть атрибутивным и предикативным; *Старик уже в тулупе* — сугубо предикативно (пример Д. Н. Шмелева). Поэтому вопрос о выражении времени в языке приобретает особую значимость для языкознания.

2. Как любая нематериальная вещь, время выражается с помощью материальных метафор. Анализ соответствующей лексики в основных индоевропейских языках позволил выявить три базовых представления о времени. Их можно охарактеризовать так: внешнее время (время как пространство), внутреннее время (время как жизненная сила), субъективное время (время как желание, мысль и т. д.).

3. Время как пространство — это довольно сложная система обозначений, включающая в себя несколько подсистем.

3.1. Время как мера. Сюда относится прежде всего лит. *mėtas* 'время, возраст', мн. ч. *mėtai* 'год'; др.-исл. *ar-tali* 'месяц' дословно означает «считающий годы», причем *ar* сопоставляется с хетт. *arma* 'луна, месяц', а *-tali* — с англ. *tell*, нем. *Zahl*. С лит. *mėtas* сопоставимо а.-сакс. *med* 'время, размер', гот. *mel* 'время'. В основе этих лексем лежит корень **met-*, **meh-* 'измерять' (др.-инд. *māti*, *mimāti*, лат. *metior*). Др.-исл. *ar-*, хетт. *arma* образованы от и.-е. **ar-* (греч. ἀραρίσσω 'слаживать, связывать'), их соотношение с нем. *Jahr*, англ. *year* будет рассмотрено ниже. К той же модели относятся и прочие германские названия времени: др.-исл. *tíð*, *tími* (дат., швед. *tíð*), др.-англ. *tíð*, *tíma* (англ. *time*), нидерл. *tíjd*, др.-в.-нем. *zīt* (нем. *Zeit*). В основе всех этих лексем лежит прагерманское **ti-* (с детерминативами *-m*, *-i*) < **dai-*, ср. др.-инд. *dāyate*, греч. δαίωμα 'делить' (того же корня и греч. δαίμων 'божество, дух-покровитель', этимологически — «податель»). Лат. *templis* К. Бак [19] сравнивал с лит. *tempti* 'тянуть'. Однако Э. Бенвенист, опираясь на семантику производных глаголов (*temperare* 'умерять, ограничивать'), предположил, что значение предела было для этого имени первично [16]. Следовательно, это имя можно сравнивать с и.-е. **tem-* 'резать' (представленным также в греч. τέμενος 'надел', лат. *templum* 'священная роцца'). Тот же изосемантический ряд репрезентируют некоторые кельтские наименования: кимр. *pryd*, бретон. *prid*, корн. *prid* < **k^urti* 'резать', др.-инд. *kṛtati*, греч. κείρω, лит. *kirti*, также *kaĩtas* 'раз', слав. *кратъ*. К корню со значением 'резать, наносить насечки', по-видимому, относится и слав. *часть*. Фасмер [9] сравнивал его с *чащати*, Бак — с др.-инд. *cinóti* 'показывать', Черных [10, II] — с **ke(i)-* 'дви-

гаться' (др.-инд. *céstatī* 'шевелиться', греч. *κίω* 'идти', *κινέω* 'двигать', лат. *cieo*). Однако эти сопоставления не раскрывают морфологических связей сравниваемых слов; два последних, кроме того, не вполне убедительны и фонетически. Напротив, сравнение с и.-е. **kes-* 'резать' (ср. русск. *чесать*, *косить*, *касаться*) объясняет и конечное -з. Это корневое имя с продленной ступенью корня, ср. суффиксальное *часть* < **kes-ti*. Возможно, греч. *χρόνος*, не имеющее общепринятой этимологии, производно от *χρόω* 'царапать', *χραινώ* 'задевать, касаться'. Вак, впрочем, сравнивает это имя с др.-инд. *harati* 'держать', а также оск. *herilad* 'да возьмет'. В этом случае имя *χρόνος* должно быть отнесено в следующую подгруппу. Возможен еще один этимологический ряд, который должен перевести это имя совсем в другую модель. О нем — несколько ниже.

3.2. Время как цельная часть пространства, так сказать, содержимое границ. Здесь прежде всего необходимо отметить лит. *laikas* 'время', связанное с *laikyti* 'держать'. Этот глагол есть каузатив к первичному *lièkti* 'оставлять'; ср. греч. *λείπω*, лат. *re-linquo*, др.-инд. *rinákti*, а также слав. *отгълѣкъ* 'остаток', русск. *лихо*, *лишний*, *лихва* (последнее считается германизмом [12, вып. 15], ср. гот. *leiþvan* 'ссужать'; впрочем, П. Я. Черных [10] считает это неубедительным). В греческом этот корень также образует темпоральное имя: *λοιπόν* 'будущее' (субстантивированное прилагательное от *λοιπός* 'оставшийся, остаток', т. е. его внутренняя форма означает 'остающееся при избытке прошлом и настоящим'). Разница в значении одного по сути этимона в литовском и греческом объясняется тем, что в последнем ни один из вариантов корня **leiku-* не приобрел значения 'держать'. Итак, лит. *laikas* — это 'время' как нечто взятое, удержанное, заключенное в пределы.

3.3. Время как движение. К этой группе относятся основные русские имена времени: *время* (заимствовано из ц.-слав. *врѣмя*) есть древний помет actionis от корня **uert-* 'двигать, поворачивать' (*вертеть*, *вращать*, *ворочать*). Славянское имя находит непосредственную параллель в др.-инд. *vártman* 'бег, судьба'. Таким образом, этимология слова *время* запечатлела представление

о циклическом движении. Напротив, *пора* есть производное от **per-* 'двигаться вперед': русск. *переть*, *напирать*, др.-руссск. *прати*, греч. *πέρω* 'действовать; двигаться'. К этому же корню относятся и другие части речи: имена типа слав. *прѣкъ*, лит. *pirmas*, лат. *primus*, греч. *πρώτος*; предлоги и приставки типа русск. *пере-*, *про*, ц.-слав. *прѣ-*, лат. *pro*, *prae*, греч. *πρῆ*, *πρό*, *πρό*, др.-инд. *pari*. Особенно интересно значение греч. *πόρος*. Это не только «путь», но и «судьба». Таким образом, этимология имени *пора* воплощает идею линейного движения¹. Такой же изосемантический ряд привел к образованию др.-ирл. *trath* 'период времени'. Это имя сопоставимо с кимр. *trawd* 'бег, путешествие' и в конечном итоге восходит к и.-е. **ter-* 'двигать(ся)', ср. др.-инд. *táratī*, греч. *ἔτορον* 'я побежал'. Спорным остаётся вопрос о др.-инд. *ṛtú* 'время'. Это имя может быть соотнесено с корнем **ar-* (см. выше) и *ṛta* 'закон', или же с глаголом *ṛnóti* 'идти, отправлять'.

3. 4. Переходными к второй группе являются слова, обозначающие период времени с помощью наиболее характерных событий, в нем заключенных. Так, слав. *день*, лит. *dienà*, лтш. *diena*, прусск. *deinan*, др.-инд. *dina*, лик. *zini* восходят к и.-е. **dei-* 'сиять'. Этот же корень отразился и в наименовании неба и верховного божества индоевропейцев: др.-инд. *dyáus*, греч. *Ζεὺς*, лат. *Jupiter*, умбр. *Ju-pater*, ст.-лат. *Diespater*², а также *dies* 'день'

¹ Е. С. Яковлева [13, гл. 2] считает, что имя *время* обозначает в русской языковой картине мира линейное время, а *пора* — циклическое. Если бы это было так, то мы были бы свидетелями самой удивительной семантической эволюции: имя циклического времени стало обозначением линейного и наоборот. В действительности же *время* и *пора* соотносятся друг с другом как более широкое и более узкое понятия. *Пора* есть время наступления какого-либо состояния/события (*пора надежд и грусти нежной*), время реализации явления, человеческих способностей, природных процессов (*пришла, прошла моя пора: пришла пора, она влюбилась*). Поэтому *пора* может приходиться и уходить, а *время* также идти, бежать, течь. *Пора* в отличие от *времени* никогда не персонифицируется; оно также не употребляется во множественном числе. На связь же *поры* с циклическим временем исследовательницу, очевидно, натолкнуло то, что это имя часто обозначает природные повторяющиеся процессы. Но, на наш взгляд, *время* и *пора* в современном русском языке вообще не связаны с концептом циклического и линейного времени. Впрочем, эта тема выходит за рамки статьи.

² Как показал Кл. Струки [29], лат. *Jupiter* и умбр. *Ju-pater* репрезентируют древний вокатив, а *Diespater* — номинатив. Последний характеризовался продлённой ступенью вокализма.

и *divum* 'небо'. Значение 'сиять, блестеть' репрезентирует др.-инд. *dīvyati, dyótati*. Гот. *dags* и нем. *Tag* суть отглагольные имена, связанные с и.-е. **dhegh-* 'гореть', ср. др.-инд. *dāhati*, лит. *dėgti* 'жечь' (слав. дегъть, жьжъ). В Геттингенской рукописи немецко-прусского словаря С. Грунау зафиксировано также *deigan* 'день', в Карольской рукописи то же слово передается как *deyen* [23, 58]. Но наличие формы *deinan* (I Катехизис, 5, 10), фонемно соответствующей лит. *dienà*, заставляет предположить в обеих упомянутых рукописях просто опisku. Слав. ношть, лит. *naktis*, лат. *nox*, греч. νόξ, хетт. *nekut*, по-видимому, находится в родстве с и.-е. **nek-* 'вредить, убивать': лат. *pecare* 'убивать', *poscere* 'вредить', греч. νεχρός 'мёртвый'. День — светлое время, ночь — злое, сопряженное со смертью. По сходной модели образованы и имена времен года, которых в праиндоевропейском, очевидно, было три [2, 853]. И.-е. **gheim-ǵ-/nt* (лит. *žiemà*, лтш. *ziema*, хетт. *gimtanza*, др.-инд. *hemantāh*, авест. *zua*, род. п. *zimo*, греч. χειμών) изначально означало 'снег, буря': лат. *hiems* — не только 'зима', но и 'ливень, холод'; ср. греч. χείμα 'снежная буря'; с иным суффиксом — также и χιών 'снег'. И.-е. **ues-ǵ/n-(t-)* (слав. весна, лит. *vāsara* 'лето', др.-инд. *vasantāh*, греч. ἔαρ (Ἑῶρ), лат. *vēr*), может быть, связано с **ues-* 'хороший, добрый, благоприятный' или **us-* 'гореть, пылать'; о корне **tēr-* см. ниже. И.-е. **e/os-n-* (русск. *осень*, прусск. *assanis*, хетт. *zēna*) обозначало, собственно, 'жатва, урожай' (гот. *azans*, др.-в.-н. *agan*, нем. *Ernte*, др.-исл. *ögn*). Особенно показательно греч. ἑλώρα, восстанавливаемое как **өл-оара*, дословно 'после-жатва'. Наименование времени по характерной деятельности запечатлено также в лат. *saculum* (< **se-tlom*, ср. *sero* < **zl-so* 'сеять', ср. хетт. *ishai*, слав. сѣяти), греч. ἀμολός 'вечер' (= 'время дойки', ἀμέλω 'доить'). Таким образом, пространственные имена времени описывают пространство исчерпывающим образом. Они указывают на основные его черты — мерность, протяженность, цельность, членность, а также на осуществимость в его пределах движения и прочей деятельности.

4. Вторую модель времени репрезентирует прежде всего и.-е. **aiu-* 'жизнь, сила': др.-инд. *āyus* 'жизнь', греч. αἰών 'сила,

жизнь; век', лат. *aevum* 'век' (*aeternus* 'вечный'), гот. *aiws* 'время; вечность', нем. *ewig* 'вечный'. Следует заметить, что у Гомера αἰών означает по преимуществу 'жизненная сила, покидающая героя в момент гибели'. Ср.: αὐτὸς δὲ φίλης αἰῶνος ἀμερβής (Ил. 22, 58) «и ты лишишься своего века» (= «своей жизни»); ἔπειτα με καὶ λίποι: αἰὼν/ἐν πόλει ὀμετέρῃ (Ил. 5, 685) «когда бы покинула меня жизнь в вашем городе». Также: αὐτὰρ ἐπὶν δὲ τὸν γε λίπη φυχὴ τε καὶ αἰὼν (Ил. 16, 453) «и когда покинут его (Патрокла) душа и жизнь». Только у Гесиода появляется новое значение 'век, эпоха' (= 'жизнь поколения'). В сознании же человека гомеровского времени αἰών — это прежде всего жизнь именно отдельной особи. («Ибо срок, объемлющий время жизни каждого отдельного [существа, срок], вне которого [нельзя найти] ни одну из его естественных [частей], они назвали „веком“ каждого»)³. По-настоящему обобщенное значение «эпоха» появляется у Платона, «вечность» — у Аристотеля: «По аналогии с этим и полный срок [существования] всего Неба, и срок, объемлющий целокупное время и бесконечность, есть „Век“ (αἰών), получивший наименование вследствие того, что он „Всегда есть“ (ἀεὶ ὢν) — бессмертный и божественный»⁴. Ср. также у Эврипида: πολλὰ γὰρ τίχται/Μοῖρα τελεσσιδωταῖρ' Αἰὼν τε Χρόνου παῖς (Нег., 898–90) «ведь многое рождает дающая всему осуществиться Мойра (Судьба) и Айон, сын Хроноса (Времени)». Подробнее о греч. αἰών см.: [3].

Латинское *aevum* 'век', по-видимому, имело сходное значение. Об этом свидетельствует производное *aetas* (< *aevitas*) 'срок, возраст, поколение', а также 'буря, непогода' (т. е. особо выделенное время). Из всех этих примеров видно, что и.-е. **aiu-*, в отличие от пространственно-временных слов, обозначал время человека, явления или события, не текущее постоянно и равномерно, а способное прекращаться и прекращать существование того предмета, к которому оно относится. Внешнее время соответствует ньютонову представлению о нем, а внутреннее — эйнштейновскому.

³ Аристотель. О небе, 279a // Аристотель. Сочинения / Пер. А. В. Лебедева. М., 1981. т. 3, с. 293.

⁴ Аристотель. О небе...; ἀεὶ ὢν точнее перевести как «всегда сущий».

Время в теории относительности анизотропно. Наименование внутреннего времени репрезентирует и эту черту. Корень **aiu-* Э. Бенвенист [15] сравнивал с **ieu-* 'молодой': лат. *iuvenis*, слав. юнъ, лит. *jáunas*, нем. *jung*, англ. *young*, др.-инд. *yuván* 'юноша'⁵. (Эту этимологию, правда, отвергает О. Н. Трубачёв, который выводит этот корень из и.-е. **ieu-* 'мять, месить' [12, вып. 8, с. v. **junt*].) Таким образом, понятие «жизнь, сила, вечность» оказываются связаны с «молодостью», т. е. временем наивысшего проявления жизненной силы.

Изосемантический ряд можно наблюдать в слав. вѣкъ и родственных индоевропейских словоформах: лит. *veikūs* 'быстрый', *veikti* 'действовать', *vaikyti* 'гнать', лтш. *veikt* 'совершать'; др.-исл. *veig* 'сила', *víg* 'борьба', гот. *weihan*, др.-в.-н. *wigan* 'бороться' (нем. *überwiegen* 'одолевать'). Сюда же относится ряд далеко разошедшихся латинских слов: *vincere* 'побеждать', *per-viceax* 'упрямый', *vix* 'едва, с трудом', *vicis* (род. п. от **vlix*; также *vicet*, *vice*, *vicibus*) 'смена; судьба'. Первичное значение 'жизненная сила' переходит, с одной стороны, в семантему 'борьба, победа', с другой — 'судьба; отрезок жизни; время'.

Значение 'жизненная сила' первично и для русск. вѣкъ. Оно лучше всего сохранилось в таких производных, как *оувѣкъ*, *оувѣчьнъ*, т. е. 'немогущий, лишенный жизненной силы'. Значение 'жизнь' хорошо диагностируется в таких оборотах, как *засть чужой век*, *дай бог веку*. Ср. также укр. *вік* 'возраст'. «Время существования» демонстрирует словосочетание *до веку*, «время Вселенной» — *от века*, *вечный*, «время наивысшего проявления чего-либо» — *век Перикла (Виктории, Екатерины)*: это не время жизни указанных правителей, а время их правления. Наконец, *век* может означать и «эпоха». Любопытно, что древнерусское вѣкъ могло обозначать и «тысячелетие»: *тысяча лѣтъ вѣмъ вѣкъ же господьскій глаголется* (Великие Минеи-Четьи, Янв. 6–11,

⁵ В своем устном сообщении от 14.X.1996 на Семинаре по итальянским и индоевропейским языкам (Гарвардский ун-т) В. Фортсон сопоставил с этим корнем также лат. *Iulo* (и его итальянские соответствия). Тем самым имя верховного итальянского божества может быть интерпретировано как «(вечно) юная; носитель постоянной жизненной силы».

497, XVI в.). Очевидно, это слово именовало наиболее крупный в данной системе временной промежуток.

С другой стороны, можно предположить и родство слав. *кѣкъ* с лит. *vaikas* 'ребёнок', лтш. *vaiks* 'то же'. Эта несомненная параллель косвенно подтверждает правомерность сравнения и.-е. **aiu-* и **ieu-*. По-видимому, элемент **uoik-* присутствует и в имени *человѣкъ*. Наиболее правдоподобная этимология предполагает здесь словосложение: *чело-* соотносится с *чемадь*, а также *коло*, *колено* (в значении 'род'), *по-колен-ие*. Таким образом, этимологически *человек* может интерпретироваться как «сын племени, окружения, поколения». Другие этимологии этого имени менее вероятны [9; 10; 12, вып. 4]. Попутно заметим, что соотнесение *века* и *человека* очень популярно в русской поэзии. Такая рифма четко организует содержание стиха. В нем речь идёт либо о параллелизме *века* и *человека*: *„Два-три романа / В которых отразился век / И современный человек / изображен довольно верно... (Пушкин), либо об их конфликте: Как часто мимо вас проходит человек / Над кем ругается слепой и буйный век... (он же). Древнейшая этимологическая связь имён *век* и *человек* регенерируется на поэтическом уровне⁶.*

По косвенным данным значение «жизненная сила» может быть восстановлено и для корня **uet-* 'год': греч. *ἔτος*, албан. *ujet*. Производные от этого корня означают 'старый' (лат. *vetus*, лит. *vėtušas*, лтш. *vecs*, слав. *ветѣхъ*) и 'молодое живое существо' (лат. *vitulus* 'тёленок', др.-инд. *vatsa* 'молодое животное').

5. Третья модель времени представлена прежде всего общеславянским **godъ* и его производным *година* (укр. *година*, блр. *гадына*, макед. *година*). Первичное значение восстанавливается и на славянской почве: *годить-ся*, *у-годить*, *при-годный*, *вы-года*. Общеславянское **godъ* означает 'хороший, добрый, полезный'. То же значение репрезентируют и внеславянские соответствия: албан. *ngeh* 'благоприятный случай', гот. *gops*, др.-в.-н. *guot*, нем. *gut*, англ. *good*. Другое темпоральное слово из этой группы — **doba*: 'время, пора', блр. *доба* 'пора, сутки', русск. диал. *доба*

⁶ Более подробно об этой рифме см.: [6]

'время, пора', *доба* 'возраст', чеш., словац. *doba* 'то же'. Это имя находится в этимологической связи с *у-добный, по-добать, по-добный, с-доба*, а также с *добро, доблесть*, др.-русск. *доблии*. Ср. лат. *faber* 'кузнец, творец', арм. *darbin* 'кузнец'. Темпоральное значение развилось у лит. *dabār* 'теперь, сейчас'⁷.

5. 1. К модели субъективного времени можно предположительно отнести имена, связанные с семой «мысль». Так, гот. *þelhs* 'время', др.-англ. *þing-gameorc* 'измеряемое время' Бак сравнивал с др.-исл. и др.-англ. *þing* 'судебное собрание', возводя его к и.-е. **tenk-* 'тянуть'. В таком случае эту группу можно сравнивать и с нем. *Ding*, англ. *thing* 'вещь' (этимологически — 'протяженное'). С другим детерминативом (или с другой акцентуацией) эти темпоральные имена могут быть сопоставлены также с *denken* и *think*, а также с оск. *tanginom* «sententiam» 'решение (суда, народного собрания)'. По-видимому, оба этимологических решения не противоречат друг другу. Гот. *hweilla*, др.-в.-н. *hwīla* (нем. *Weile*) сопоставляются с лат. *quies* 'покой', *tranquillus* (< **trans-quis-lo-*) 'спокойный'. Но они могут быть также сопоставлены с и.-е. **k^wui-* 'упорядочивать, понимать', ср. др.-инд. *cinóti* 'замечать', *cétati* 'понимать, обнаруживать', слав. чѣтити, чинь 'порядок, ряд'. С представлением о субъективном времени, по-видимому, связано и обозначение времени как высказанного: русск. *срок*, укр. *рік* 'год'.

6. Для некоторых темпоральных слов не устанавливается однозначная этимология, что, естественно, затрудняет их отнесение к той или иной группе. Мы уже упоминали греч. *χρόνος*. Помимо указанных выше этимологий, его можно сравнить и с *χρόω* 'нуждаться'. Не прояснено и другое темпоральное слово — *χαίρος*. Э. Буазак сравнивал его с *χαίρω* 'встречаться, случаться' [18], Бак — с *χαίρω* 'резать'. Спорна этимология и слав. *аро* 'весна; лето'. По мнению О. Н. Трубачёва, этот корень омонимичен *аръ*, причем оба этимона сблизилась ещё в праславянском. Для **jaro*, а также нем. *Jahr*, греч. *ἔτος* 'год', *ἔρα* 'время, пора', предпола-

⁷ По-видимому, лит. *dabār* представляет собой гетероклитическое имя в наречной функции, так же соотносящееся с *доба*, как **uedar* с *вода*.

гается родство с и.-е. **ei-/ie-* 'идти' (ср. лит. *jóti*, др.-инд. *yáti*; **jag̃* 'горячий, крутой' возводится к **ieu-* 'варить, перемешивать': греч. ζαρός 'крепкий, чистый, жгучий' (о вине), ζαμός 'похлёбка', лат. *ius*, лит. *jūšé* 'то же', слав. южа [12, вып. 8, s.v. **jaro* и **jag̃*]. Но для обоих этих корней можно восстановить общее значение «горячий, сильный» [7, 91–95]. Нечто подобное репрезентирует и греч. ὥρα: не только «время, пора», но также и «весна, цветение» (ὕδα ὥρα 'весна'), ср. дериват ὥρατος 'зрелый', н.-греч. 'прекрасный'. Думается, что нет оснований разделять *arō* и *ar̥*; трудность представляет только определение первичной семантики корня. Возможно, в данном случае имела место контаминация нескольких корней. Помимо указанных О. Н. Трубачёвым **ior-* 'движение' и **iour-* 'горячий', следует, по-видимому, учитывать и **(i)ar-* 'соединять, слаживать', ср. тох. В *yärm* 'мера', арм. *yarman* 'случившийся', греч. ἄρμος 'связь, сустав', ἄρμα 'колесница'. Что же касается корня **ieu-*, то ему посвящено обстоятельное разъяснение В. Н. Топорова [11, 483–485]. По мнению исследователя, с этим корнем связаны **aiu-*, **ioun-*, **ious-*, также др.-инд. *yáuti* 'соединять', лит. *jáuti* 'мешать, смешивать' (отметим также *jaũkti*, *jaũgti* 'то же'), лат. *iuvare* 'помогать, быть благосклонным', слав. **jutiti*, причем такие однокоренные имена, как *уот*, *приуот* показывают, что первичное значение этого корня — 'помогать'. Для общиндоевропейского **ieu-* восстанавливается общее значение 'перемешивать; увеличивать' с дальнейшим развитием значения 'соединять, укреплять; быть поддержкой, полезным; быть приятным', с тем же комплексом связан и концепт крови (о.-слав. **juxa*) как вечно циркулирующей и дающей жизнь субстанции. В применении к нашим моделям времени можно полагать, что весь указанный комплекс корней (**ier-*, **ieu-*, **aiu-*) обозначал взаимовлияние и взаимопереход концептов внутреннего и субъективного времени.

С разбираемыми корнями могут быть связаны также греч. ἦρος и ἦρα. Н. Н. Казанский [4] предположил, что эти традиционно не сопоставлявшиеся имена находятся в родстве; с ними же связано и имя микенского божества *tiriserōe* (Τῖρ-ἦρωε [PY Fg 1204, Tn 316] — дательный падеж). Оно образовано по той же модели,

что и Τρεσ-μέγιστος 'Трижды-величайший'. Имя же 'Ἦρα-κλής, по мнению Н. Н. Казанского, полностью соответствует слав. *Наро-славъ* и представляет, таким образом, древний композит-формулу, не учтённую Р. Шмиттом [28]. Сходные соображения несколько раньше высказал Д. Адамс [14]: ἦρας производно от Ἦρα по словообразовательной модели πατρός, μητρός, δμῶς; с корнем *Нier-связано также греч. εἰρήν/ἱρήν «спартанец 13–14 лет»; с другими детерминативами и без них — греч. ἦβη 'юность', ἡβάσχω 'расти', лит. *jėgà* 'сила' < *ieg^{ua}; др.-инд. *yatu* 'колдовство', хетт. *iemi* 'я делаю'. Все эти соображения позволяют восстановить индоевропейский корень *ier- 'жизнь, сила, движение, произрастание' (вероятно, производный от *ie- 'пускать(ся), идти'). В развитии значений корня свою роль сыграла контаминация с *ieu- 'перемешивать, разогревать', *(i)ar 'соединять, слаживать'.

7. Итак, время как пространство, или внешнее время; время как жизненная сила, или внутреннее время; время как желание, мысль, или субъективное время — три основных способа представления этой категории в языке. Они свойственны не только древнему сознанию. История слов, сравнительно поздно получивших темпоральное значение, подтверждает существование указанных выше моделей. Так, греч. ἐτοχή первоначально означало 'остановка, задержка' и только в византийский период приобрело новое значение 'период времени', заимствованное европейскими языками. Лат. *aera* — это множественное число от *aes* 'медь': в классической латыни эта форма была малоупотребима, но, поскольку *aes* приобрело значение 'медная монета', то *aera* у Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) стало означать 'деньги; оплата; счёт'. Только у Исидора Севильского (570–636 гг. н. э.) в исторических сочинениях появляется новое значение 'год, (большой) период времени', который и является актуальным для многочисленных заимствований. Как ни различны темпоральные слова по происхождению, они приобретают сходные значения в поле времени. Время — одна из важнейших характеристик окружающего мира, и оно может быть отождествлено с другими важными характеристиками. Поэтому темпоральные слова могут обозначать и погоду. От лат. *tempus* произведено *tempestas* 'буря, непогода'; само же

tempus развило в романских языках дополнительное значение 'погода' (франц. *temps*, итал. *tempo*, испан. *tiempo*). Русское *время* в диалектах тоже приобретает значение 'погода; непогода' (*Какое время? — Ясно, дождь, снег.* В. И. Даль). Другая важная особенность темпоральных слов — их нежесткая связь с календарными и астрономическими периодами времени. Наиболее показательно сопоставление русск. *год* и *година* 'пора, время свершения', а также укр. *година* 'час'. Ср. также греч. *ἔτος* — *ἔτος* 'год', *ἑννέ-ετος* 'девятилетний'; также русск. *лѣто* в значении 'лето' и 'год'.

8. Три рассмотренные модели времени находят параллели в грамматических выражениях времени.

8.1. Пространственное грамматическое время — это время, обозначенное с помощью дейктических средств. Дейктические элементы сформировали одну из подсистем видо-временной системы греческого, индоиранского, в реконструкции также армянского глагола. Здесь презенс обозначался с помощью постфикса *-i*, по происхождению указательного местоимения с оттенком близости (ср. лат. *is*). Претерит же маркировался аугментом — приставкой **e-*, которая восходит к частице со значением 'там' или 'вот, уже'. Глаголы, лишённые аугмента и презентной частицы, относились к особому наклонению — инъюнктиву, обозначавшему действие, лишённое внешних темпоральных связей. Подробнее см. [5], там же литература вопроса.

8.1.1. Кроме того, дейктические категории используются и в описании семантики глагольных времен. Так, в концепции Г. Гийома [21] различается инхоативное время (*aller* + инфинитив, *com- mencer à/de* + инфинитив), курсивное время (*aller en augmentation* 'быть в развитии'), терминативное время, указывающее на движение к концу (*finir* + инфинитив). Время описывается также в категориях протяженности — непротяженности; различаются точечное (моментивное), дуративное (стабильное, длительное), итеративное (повторяющееся) действие. Система соотношений действия с моментом речи была предложена Гизеллой Рау [26]. Она включает в себя следующие дефиниции: t_1 — момент речи, t_2 — время, близкое к моменту речи, t_3 — вневременной процесс, t_4 — неопределённое время, t_5 — время, отдалённое от момента речи,

t_6 — вообще не определяемое время. Последнее характеризуется как время предиката, находящегося в цепочке предложений, которые описывают линейную последовательность действий.

8.1.2. К грамматическим способам можно отнести и представление действия как движения. Предикат «двигаться, идти» — один из наиболее частых при темпоральных временах. Ср. хетт. *mahanma 7. MUHLA-ua ueir EGIR-anda pair* [24, 6] «и пришли годы, и прочь ушли», горадиево *Eheu! Fugaces, Postume, Postume, labuntur anni* (Сарм. XIV, 1–2) «Увы, Постум, Постум, протекают мимолетные годы», русск. *время течет, идет, проходит*, нем. *die Zeit ist vergangen* «время прошло». Поэтому естественно ожидать грамматизации глаголов движения. Её можно отчасти наблюдать в гомеровском обороте $\beta\eta\ \lambda\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota/\lambda\acute{\iota}\nu\epsilon\iota/\lambda\acute{\iota}\nu\epsilon\iota\alpha$ 'он отправился' (дословно — «он пошёл идти»). Глагол «идти» приобрел функцию вспомогательного в перфекте некоторых немецких диалектов (*er kam gegangen* вместо *er ist gegangen*) [8]. Во французском *vient + de +* инфинитив образует *passé immédiat*, соответственно *va +* инфинитив — *futur immédiat*. Греч. $\beta\acute{\alpha}\lambda\omega$, нем. *kommen* (как и гот. *qiman*), франц. *venir* (< лат. *venire*) восходит к корню $*g^{nem-}$, обозначавшему не только движение, но и исходный пункт (ср. его производные в греческом: $\beta\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$, $\beta\acute{\alpha}\beta\rho\nu\alpha$ 'основа' [22]). Поэтому данный глагол имеет выражено терминативное значение и используется именно в перфективных временах.

8.2. Параллель внутреннему времени представляет грамматическая категория аспекта, или глагольного вида. В небольшой статье не представляется возможным более или менее адекватно описать данную категорию. Отметим только основные связи аспекта с грамматическим временем: совершенный вид тяготеет к обозначению действия, законченного к моменту речи, т. е. претерита. Вместе с тем отсутствие значения длительности у перфективных форм лишает их значения удалённости во времени. Поэтому претерит несовершенного вида обозначает отдаленное от момента речи действие, а совершенный вид — близкое. Такова оппозиция между претеритом (имперфектом) и перфектом в современных европейских языках [31], имперфектом и аористом в Ригведе [20]. Соединение же основы совершенного вида с показа-

телями презенса образует либо терминативный презенс, либо футурум, либо деизидератив.

8.3. Субъективное время в грамматике — это время, обозначаемое с помощью модальных категорий. Непрезентное время и неиндикативные модусы объединяет общее значение отрешенности от момента речи, поэтому претерит и футурум могут выражаться с формами конъюнктива и оптатива. Греческий футурум представляет собой по форме конъюнктив с краткой гласной, образованный от сигматического аориста (λύσω «я развяжу/я бы развязал»); в латыни 1 л. ед. ч. субъюнктива и футурума в 3 и 4 спряжении идентичны: *legam* «я прочту/прочёл бы», *audiam* «я услышу/услышал бы». Суффикс *-a-* является показателем конъюнктива или оптатива [17; 30]. В этом качестве он выступает в итало-кельтском (лат. *ferat* «он бы понес», др.-ирл. *ba* «он бы был»). Однако он же образует и претериты, ср. слав. *бѣра*, *гъна*; лит. *buvo* «он был» пофонемно совпадает с лат. *fuat* «он бы был» (< **bhu(v)a-t*). Кроме того, в итальянском *-a-* известен и в претеритальной функции: лат. *eram* (< **es-a-m*) «я был». Значение футуральности может принимать и 3 л. императива, подробнее см. [5]. Отметим также так называемое «балканское будущее», когда футурум образуется из сочетания глагола «хотеть» с конъюнктивом. Ср. греч. *θά ρθῶ* < *θέλω* «я пойду», румын. *voi cante* (< *volo cantare*) «я запою», болг. *ще пиша* «я напишу» (< *хоще*).

9. Внешнее, внутреннее и субъективное время характеризует не только систему языка. С помощью этих категорий можно классифицировать и временные логики. Так, внешнее время может быть описано в рамках системы Х. Райхенбаха [27], где различаются момент речи, время события и точка референции — некоторый момент, относительно которого и определяется действие. В естественном языке точка референции принимает участие в образовании вторичных времен — давнопрошедшего, предбудущего. Внутреннее время соответствует логике Г. Х. фон Вригта [1; 32], где время характеризуется через последовательность событий. Субъективное время находит параллель в логике А. Прайора [25], где различаются возможное и необходимое прошедшее и будущее. Кроме того, описание времени сквозь призму внешних

событий находим в «Физике» Аристотеля, как набор субъективных ощущений — в «Исповеди» Августина (глава XI).

10. Итак, параллелизм лексических и грамматических средств выражения времени и их логико-философской интерпретации очевиден. Это заставляет предположить, что три рассмотренные модели времени являются базовыми для человеческого мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. Х. Вригт. Время, изменение и противоречие // Г. Х. Вригт. Логико-философские исследования. М., 1986.
2. Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984, кн. 1-2.
3. Е. Ф. Дружинина. Поэтика эпического пространства и времени в «Одиссее» Гомера. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 1983.
4. Н. Н. Казанский. К этимологии теофорного имени *Гера* // Палеобалканистика и античность. М., 1989.
5. К. Г. Красухин. Дейктические элементы в категориях времени и наклонения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1993.
6. К. Г. Красухин. Три историко-семантических этюда об индоевропейском человеке // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1998 (в печати).
7. Б. А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. Л., 1977.
8. М. М. Маковский. Лингвистическая комбинаторика. М., 1988.
9. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1986-1987, т. I-IV.
10. П. Я. Черных. Этимологический словарь русского языка. М., 1993, т. I II.
11. В. Н. Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1994.
12. Этимологический словарь славянских языков. М., 1974, вып. 1-.
13. Е. С. Яковлева. Фрагмент русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.
14. D. Adams. "Нрѣх and "Нрѣх // Glotta, 1987, Bd. 67.
15. E. Benveniste. Expression indo-européenne de l'éternité // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1937, v. 38.

16. E. Benveniste. Du latin *tempus* // *Mélanges A. Ernout*. Paris, 1940.
17. E. Benveniste. Preterit et optatif en indo-européen // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1951, v. 43.
18. E. Boisacq. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1916.
19. C. D. Buck. *A Dictionary of principal Indo-European Synonyms*. Chicago, 1949.
20. B. Delbrück. *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*. Leipzig, 1893.
21. G. Guillaume. *Temps et verb*. Paris, 1929.
22. Ch. Lamberterie. *Les adjectifs grecs en -ος*. Louvaine-la-Neuve, 1990.
23. V. Mažiulis. *Prūsų kalbos paminklai*. Vilnius, 1981.
24. Mursili's Sprachlähmung/herausgeg. und übers. von A. Götze und H. Pedersen. København, 1934.
25. A. Prior. *Time and modality*. Oxford, 1957.
26. G. Rauh. *Tempora als deiktische Kategorien // Indogermanische Forschungen*, 1985, Bd. 90.
27. H. Reichenbach. *Elements of symbolic logic*. New York, 1947.
28. R. Schmitt. *Dichtung und Dichtersprache der indogermanischen Zeit*. Wiesbaden, 1967.
29. K. Strunk. *Diespater und Juppiter // Serta indogermanica*. Innsbruck, 1982.
30. N. Trubetzkoi. *Gedanken über den lateinischen a-Konjunktiv // Μνημης χάριν: Festschrift P. Kretschmer*. Berlin et al., 1925.
31. H. Weinrich. *Tempus: Besprochene und erzählte Welt*. Stuttgart, 1964.
32. G. H. Wright. *The logic of action — a sketch // The logic of decision and action*. Dodrecht, 1967.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ

Pragmatics is the science of the unsaid
Jacob L. Mey [16, 177]

Ставшие уже традиционными представления о линейном и циклическом времени, бытовом и надбытовом, не отражают полностью роль времени в языковой картине мира, его коммуникативные функции и связь с культурным контекстом, способность времени быть не только параметром, но и объектом, инструментом и основанием оценки. Традиционные лингвистические концепции времени носят преимущественно грамматический характер и исходят из представления о том, что лингвистический аспект времени подчинен его физическому и философскому аспекту и воплощает это единство в языке, ср.: «Изучение лингвистического времени (= темпоральности) — это изучение всех средств языка... используемых языком для раскрытия сущности реального физического времени» [4, 116], ср.: [13]. Между тем, семантическая насыщенность представлений о времени определяет его прагматическую значимость и социальную нагруженность.

Темпоральное знание и познание

Концепт времени неоднороден. В нем содержатся представления, принадлежащие разным мирам — физическому, духовному, обыденному, научному, вербальному, акциональному. Но это не набор и не сумма отдельных представлений, а единство, синтезирующее материальный (внешний) и идеальный (внутренний) опыт человека. Опытным путем человек научился не только осознавать и измерять время, но и оценивать его, ценить и строить на его основе различные системы ценностей. Они различаются функциями, содержанием, формой, отношением к человеку и действительности, единицами и их организацией, а также их ролью в коммуникации. В них проявляется активное отношение человека ко времени.

Исходное — физическое (естественное, природное) — время — объективно, элементарно, эмпирично, необратимо, циклично; оно задано человеку извне как раз и навсегда заведенный естествен-

ный механизм, как внеположенная ему сущность, требующая от него состояния знания. Но человек не ограничивается пассивным отношением ко времени: он не только воспринимает и фиксирует его, но и использует для упорядочивания происходящего на временной шкале: фиксируя события — хронометрически, хронографически, хронологически — при помощи даты и превращая их в факты, он придает им определенность, разграничивает и сравнивает их и говорит о том, что уже прошло или еще не наступило. Из независимого от воли субъекта сирконстанта время превращается в параметр измерения явлений и событий, их длительности, частотности и скорости. Физическое время наделяется параметрическими, референциальными и фактуальными свойствами.

Метафизическое (философское, обобщенное) время категориально¹. Оно сопоставляется с однопорядковыми сущностями (материей, пространством, движением), осмысливается (рационализируется, опредмечивается) и вписывается в объективную картину мира, объединяя ее фрагменты и придавая ей целостность и законченность. Это искусственный аппарат, позволяющий расчленять и соединять объективные сущности, ср.: *последовать, наступить, предшествовать*. Описывая физический мир, метафизическое время дает имена параметрам временной шкалы (*ось, единица, скорость, интервал, период времени; эра, эпоха, возраст*). Сопоставляя происходящее, оно позволяет выявить его логику: осмыслить последующее как следствие и следствие, предшествующее — как причину или условие, повторение — как аналогию, возможность, тенденцию, закономерность. ср.: *Что произойдет, когда vs. Что произойдет, если; После чего это произошло? vs. Почему это произошло?* Метафизическое время, таким образом, относительно, рационально, категориально, «кванторно», абстрактно (нереференциально), условно: это физическое время, преобразованное в логику вещей и устройство мира — их метаописание. Оно квалифицирует происходящее по его роли в контексте и превращает его в предмет рассуждения, ср.: *Он испугался, когда [потому что] увидел волка; ср.: прежде — прежде всего, скорее — скорее всего, только что — только не /и (только и осталось), рано — рано или поздно; когда бы ни, каждый раз, как только, следовательно, сразу же, наконец, сначала, (до тех пор) пока (не) и т. п.*

¹ «Существование философской категории времени подтверждается существованием принципиально различных философских определений этой категории» [4, 111].

Объективному представлению и метапредставлению времени противостоит субъективное, бытовое (житейское, утилитарное, индивидуальное) время. Оно осмысливается как ограниченный ресурс, измеряемый временем жизни, самый ценный и невосполнимый. Субъект владеет им, управляет, распоряжается: *тратит, бережет, выкраивает, проводит, оставляет, коротает, убивает*, манипулирует (*тянет, торопит, оттягивает, дает, отнимает у другого, выигрывает*), но его обычно не хватает, не достает. Это еще и сила (по Дж. Лакоффу), которую субъект использует в своих или в чужих интересах. Ее действие драматично: из объекта и пациента она способна преобразовываться в каузатора, в «скорого на расправу» (А. Твардовский) субъекта и агенса, сама оказывать давление на человека, диктовать ему свои условия, подчинять и закрепощать его, контролировать его поступки, вести «на поводу» и властвовать, ср.: *Время не терпит (поджимает, не дает, не позволяет); Еще не время; Время работает на нас — против нас. Оно же лечит, расставляет по своим местам, рассуживает*. Бытовое время психологично, субъективно, субъектно, антропоцентрично, практично, операционально, драматично, активно, межличностно. Оно ощущается и переживается (*жаль времени*) и потому ассоциативно (*осень жизни, весеннее настроение, седая древность*)². Ощущая силу времени, преклоняясь перед ним, человек мифологизирует его; осознавая бренность своего существования, бессилие против течения и истечения времени, свою слабость и преходящность, он обращается к своей душе и создает силы, укрепляющие дух.

Духовный мир переоценивает обыденные ценности, отделяет сиюминутное, преходящее, временное, скоротечное, изменчивое, суетное, бытовое от вечного, непреходящего, бесценного, константного, бытийного, истинно ценного. Физическая жизнь перестает быть главной ценностью и уступает место духовному началу. От благоговения перед силой времени человек переходит к преодолению ограниченности отпущенного ему срока: «Смерть наслонилась на человеческое существование, но тем дерзновеннее должен быть его порыв к свету, самосовершенствованию» (Гете). Духовный мир формируется культурой и искусством. Его особо отмеченные точки — религия и поэзия. Создавая общую систему

² Отношение ко времени меняется с возрастом, зависит от жизненного опыта, внутреннего мира, физических и психологических переживаний (тоска, боль, голод, холод, веселье, радость) и проявляется в характеристике времени: *трудное, пустое, веселое* и пр. [7, 57].

ключевых культурных понятий (жизнь — смерть, забвение — бессмертие, хаос — гармония, свет — тьма) [12, 105], они обращены к каждому отдельному человеку и вносят, каждый по своему, особый вклад в сотворение общечеловеческого духовного времени: «Искусство — найденное время, борьба с небытием, с ужасом бесследности» (Л. Гинзбург). Духовное время трансцендентно, феноменологично, космопланетарно, объемно, абсолютно, виртуально, сакрально. Оно сопрягает миг и вечность, срок и черту, день и ночь, небо и землю, дух и душу, любовь и красоту, добро и истину. Это новое измерение, расширяющее границы мира воспринимаемого, эмпирического, отмеренного до мира безграничного, ненаблюдаемого, глубинного; преодолевающее панхронизм физического времени.

В поэзии время изображается, переживается, переоценивается и преобразуется — отодвигается, останавливается, расширяется или сворачивается — с тем, чтобы увидеть в нем отражение человека и мира. Поэтическое восприятие времени — это вчувствование в него, его художественное осознание и освоение, познание — игра, ценностная интерпретация [11], ср.: «Но время, как металл, имеет вес, и годы можно бросить на весы» (С. Ботвинник). «Поэт сжигает нечистую примесь возраста и времени и в себе самом переплавляет в образы и звуки разнообразные движения человеческой души... тревожимый жизни мышпиной беготней, вслушиваясь в ее скучный шепот, силится понять ее смысл... и внести порядок в анархию людских отношений» [6, 404–405]. В религии время «одето в ризу ритуала»: оно вносит организацию в повседневную жизнь, наполняет ее духовным смыслом и приготовлением к вечности (ср.: праздники, пост, богослужение, песнопение, пророчество, священнодействие, литургия); сакральность религиозного времени — «во вторжении вечности во временное», которое проступает в церковных символах и атрибутах (храм, икона, крест) [7, 59–61].

Замечание. Своего рода обратной стороной духовного мира выступает мир мистический, астральный, спиритуальный, оккультный, сверхъестественный. Время в нем принципиально совмещено: то, что должно произойти в будущем, наличествует уже сейчас — в расположении звезд, линий на руке, в выражении лица, в энергетике природы и человека и др. В этом иррациональном мире воспоминания о будущем, предсказания прошлого и общение с ним — имеют не переносный, метафорический смысл, а прямой, буквальный. Это (пока еще?) «контркультура» и псевдонаука. Существование этого мира свидетельствует об ограниченности наших знаний о реальности, недостаточной познанности паранормального, парапсихологического, экстрасенсорного, объясняемой не только отсутствием соответствующей технической аппаратуры, но и традиционным разделением

объективного и субъективного, наблюдаемого и ненаблюдаемого, реального и виртуального, материального и идеального [17]. Православная церковь считает аномальные явления действиями дьявола и сатаны: «Величайшей победой дьявола было внушить людям, что его нет» [8, 8]. С другой стороны, стимулируя технический прогресс, человек учится реально сокращать и сжимать время — через увеличение скоростей, преодоление расстояний, развитие новых средств связи и коммуникации, и даже обращать время вспять — ср. компьютерную операцию «undo» и поговорку «What is done, cannot be undone».

Временная координата мира не только параметрична, но и аксиологична, эвристична, креативна. В физическом мире она дает количественную оценку происходящему, в метафизическом — качественную и относительную, в обыденном — психологическую (*время тянется*), в духовном — бытийную, ср.: *И более вечности значит мгновение* (Л. Миллер). Креативность и эвристичность идеи времени проявляется в том, что она позволяет сравнивать и оценивать реальное и возможное, прошлое и настоящее, вероятное и желаемое, регулярное и уникальное, историю и вымысел. Различный опыт соприкосновения со временем дополняет и усиливает друг друга: физическое время — это время-функция, метафизическое — фактор (времени), индивидуальное — обстоятельства, духовное — идея и смысл. Таким образом, физическое время — это параметрическая шкала, метафизическое — ее метаописание: способ ее разбиения и осмысления; субъективное время — это способ ее растянуть или сжать; духовное — способ выйти за ее пределы.

Активный опыт обращения со временем и накопленные (фоновые, культурные, энциклопедические) знания, воплощенные в концепт времени, особым образом преломляются в жизни общества, где они преобразуются в моральные, этические и юридические нормы поведения, деятельности и социальных отношений: в должное и необходимое, одобряемое и осуждаемое, допустимое и запрещаемое. Время становится условием и условностью и получает межличностные прагматические коннотации.

Аксиологичность социального времени и жизненные установки

Оценка отражает взаимодействие человека и действительности — ее членение на ценности и их вхождение в картину мира; она диктует, как следует и как не следует поступать, — и потому становится прескрипцией и участвует в формировании социальных норм поведения [3]. В основе нормативной темпоральной

картины мира лежат представления о наполненности времени, его необратимости и о контролируемости поступков субъектом. Она воплощает отношение общества к тому, как заполняется и расходуется время, к своевременности и уместности происходящего, указывает, какие изменения в мире должны/могут происходить и т. п., и фиксирует отклонения от темпоральной нормы (нарушение, превращение, несоответствие) — в виде оценочной лексики, содержащей темпоральный компонент.

Социальные нормы зафиксированы не только в правилах, документах, нормативных актах, важный способ их осознания — значение слова, словарь языка. Специфика оценочной лексики, отражающей темпоральные нормы поведения, состоит в том, что временные параметры содержатся в ней не явно, а в виде семантического признака, выявляемого при толковании, например, *мигмолюб* — это не просто «тот, кто любит читать», но «тот, кто любит проводить много времени за чтением книг», — занятие, поощряемое обществом. Поэтому темпоральный смысл и темпоральные нормы поведения вычитываются из большого пласта лексики, дающей оценку самым разнообразным социально значимым явлениям. Темпоральные признаки, входящие в семантику оценочной — квазитемпоральной — лексики, таким образом, отражают темпоральный опыт человека, фиксируют социальные нормы поведения и воплощают регламентированность социальной жизни. Оценке подлежат времяпрепровождение, соблюдение социального порядка, соответствие поведения ситуации и возрасту, случившегося — ожидаемому, адекватность реакции на происходящие изменения и контроль над ними.

Времяпрепровождение — наиболее контролируемая субъектом сфера жизни, и поэтому ответственность за него полностью ложится на субъекта. Большую часть своей жизни человек должен трудиться, праздное времяпрепровождение, привычки к пустой трате времени до добра не доводят и потому подлежат осуждению: *лентяй, лежебока, лоботряс; иждивенец, трутень, паразит, тунеядец, нахлебник; гуляка; бродяга; глазеть, шататься, околачиваться* (ср.: *лентяйничать*, по С. Ожегову, — «проводить время без дела»; *нахлебник* — «тот, кто живет за чужой счет; *жизнь* — время, отпущенное человеку от рождения до смерти»). Того, кто не занят полезным делом или обычно выполняет его плохо, называют *оболтусом* (= «бездельник»), *разгильдяем, разиней, растяпой, халтурщиком, беспутным, нерадивым, безалаберным* (ср.: *непутевый* — «ведущий разгульную жизнь»). Ра-

бота должна приносить удовлетворение и не наносить урон другим людям, ср.: *ишачить, калымить, шабашник, лихач, ловкач, махинатор, комбинатор, кровопийца, пройдоха, интриган* (= «тот, кто занимается интригами»). Медлительность, пассивность, нерасторопность вредят делу (*тугодум, тихоход, квелий, неповоротливый, мямлить, мяться, ковыряться, валандаться, волокита*). Чрезмерная активность не всегда содержательна и результативна: *ишнырять, мельтешить, колесить, химичить, мешать, мозолить глаза, натворить дел, суета* (= «излишняя торопливость в работе»), *возня, бегодня, канитель, катавасия, непоседа, торопыга*. Свободное время также следует проводить содержательно, ср.: *обыватель и книголюб, книгочей, меломан; манья, дурные привычки/наклонности — увлечение; аскет — повеса — весельчак; перерыв — перекур; досуг — безделье*. Особому осуждению, вплоть до юридического, подлежит аморальная и противозаконная деятельность, ср.: *преступник, негодяй, разбойник* и пр. (подробнее см.: [5, 237–65]).

Трудиться следует активно и добросовестно, ср.: *деятельный, напористый, собранный, скрупулезный*. Для этого необходимо учиться, ср.: *отстающий, успевающий, усидчивый*, непрофессиональная работа считается напрасной тратой времени: *графоман* (= «тот, кто страдает болезненным пристрастием к сочинительству»), *мазила, рифмолет, писака*. Совместная работа должна координироваться во времени (*соблюдать график, расписание, режим, распорядок; перенести рабочий день, дежурство, сеанс, часы приема, урок, перемену, отпуск*), *по скорости (отстать, опередить, ускорить, наготове, немедленно, постепенно)*, *быть слаженной, синхронной (условиться — упрячиться, торопить — заставлять ждать, уговор — заговор, назначить время — перенести)*. Несоблюдение установленного порядка (*сорвать урок, прогулять, нарушить распорядок, самовольничать*) влечет соответствующие санкции (*выговор, нарекание, нагоняй — месть, расплата* (= «кара за содеянное ранее», *нападки*).

Нормы «темпорального поведения» отражены не только в значениях слов, но и в поговорках, поговорках, устойчивых словосочетаниях, ср.: [19]. Выражения «Хороша ложка к обеду», «После драки кулаками не машут», «Куй железо, пока горячо», «Не откладывай на завтра то, что надо сделать сегодня» — подчеркивают важность своевременности, «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь», «Цыплят по осени считают»; «Тише едешь, дальше будешь»; «Поспешнись — людей насмешнись» — предупреждают о вреде поспешности, торопливости, преждевременности (ср.: *He gives twice*

who gives quickly; Make hay while the sun shines; Don't cross the bridges before you come to them; Don't cry out before you are hurt; Don't count your chickens before they are hatched; Everything comes to him who knows how to wait, The more haste, the less speed.

Темпоральная оценка деятельности формирует свой кодекс поведения: *делай все вовремя* (своевременный — преждевременный — запоздалый; успеть, подгадать — прошляпить, проспать, прозевать (= «пропустить нужное время, когда...»), упустить; *в должное время, самое время, делу время*), укладывайся в отведенное время и сроки (*заранее установленный (назначенный) срок* — просрочить, затянуть), делай все по порядку (*комкать, перескакивать с пятого на десятое*), не начинай другого дела, пока не сделаешь этого (*запутаться, недоглядеть, недоделка* (= «то, что еще нужно — в будущем — доделать»), *недоработка*), не торопись и не торопи события (*нетерпеливый, наспех, наскоро* — выжидать, откладывать; *всему свое время*), и не обсуждай раньше времени результаты (*паниковать*, ср. шутовское: «Неприятности надо переживать по мере их поступления»); прежде чем начинать дело, обдумай и подготовься (*дальновидный, методичный, основательный, продуманный* vs. *наугад* (= «не зная заранее о правильности...»), *наудачу, опрометчивый* («слишком поспешный»), *легкомысленный, прогадать*), серьезное дело требует специальной предварительной работы (*замысел, эскиз, проект, план, программа, черновик, репетиция* («предварительное исполнение») vs. *экспромт, импровизация, наитие*); тактики и стратегии (*намереваться, наметить, замыслить, обдумать, рассчитать, заручиться, воздержаться, зарекаться* vs. *вздумать, просчитаться* («ошибиться в предположениях»), *пустить на самотек, решать с кондачка*), стимулирования (*наказ, назидание, подбадривать* vs. *подхлестнуть, подстрекать, провоцировать, искушать, надоумить, настропалить, потворствовать*). Специальное внимание уделяется скорости — она позволяет экономить время (*скорый, скоростной, скорострельный, скоропись, скороход, скоросшиватель, экспресс, быстροходный, досрочно, катализатор*) и потому получить преимущество (*опередить, обогнать, обойти, рекорд*), но может и навредить делу (*скоропалительный, скороспелый, поспешный*).

Поведение должно соответствовать возрасту (*озорничают, дурачатся, балуются, шалят, шкодят, ребячатся* обычно дети, за что их часто корят), ср.: *церун, шалун* — *моложавый, молодецкий, молодцеватый* — *молодчик, молокосос* — *старческий, старушечий*), времени и ситуации (*прийти ни свет ни заря, засидеться,*

перусердствовать). Особо важную роль в характеристике времяпрепровождения играет речь — чем больше («дольше») человек говорит, тем меньше делает, тем менее содержательна его речь, тем более она создает видимость активности, раскрывает неприглядные черты его характера (ср.: *молчун, лаконичность — настырный, надоедливый, назойливый, навязчивый, разглагольствовать, пустословить* («заниматься бесплодными разговорами»), *гадеть, канючить, кланчить, буйнить, шумиха, говорильня, болтун, пустомеля, пустозвон; крикун*) и его истинные намерения (*критикан, кляузник, лебезить, куражиться*).

В человеке ценится постоянство и верность («Я с детства угол рисовал»), в мире — стабильность, но он не может и не изменяться. Изменения связаны с эволюцией, развитием, появлением нового, исчезновением или сохранением старого и бывают благоприятными или неблагоприятными, естественными или рукотворными, неожиданными, закономерными или случайными. В любом случае реакция на них должна быть адекватной, своевременной, целесообразной (*срочный, оперативный, безотлагательный, внеурочный, молниеносный, мгновенный, насыщенный*).

Естественные изменения почти неподконтрольны человеку, но зато предсказуемы; и их следует учитывать. Так, положительные изменения во времени ассоциируются с развитием: *созреть, возмужать, помолодеть, похорошеть, повзрослеть, накопить опыт — бывалый, тертый, опытный, наследие*, — их необходимо использовать. Но время оказывает и естественное разрушающее воздействие на предметы — *облезлый, обшарпанный, потертый, отвисший, поблекший, пожелтевший, залежалый, запущенный, заскорузлый, перезревший, застарелый, истлевший, рухлядь, развалюха, старье*: на одежду — *обноски, лохмотья, отрепья, ветошь*; на человека — *немогущий, подурневший, дряхлость, лысеть, оборванец*; на идеи — *избитый, банальный* («опошленный частым употреблением»). Поэтому вещи (и другие ценности) следует беречь, дорожить ими, вовремя чинить, обновлять, ремонтировать, реконструировать, модернизировать или избавляться от них, ср.: *допотопный, устарелый, отживший свой срок, кануть в лету*. Устаревшее — малопригодное — *анахронизм, реликт, пережиток, рудимент, атавизм* — противопоставляется старинному и ценному: *реставрация, ретроспективный, классический, античный*; ср.: *ценить старину — держаться за старое, вчерашний день (ретроград, консерватор, мракобес «враг прогресса, движения вперед»)*. Неадекватная реакция ведет к необратимым отрицательным последствиям — *вымереть, вывестись*,

погибнуть, невозполнимая утрата, несправедливо забытое требует возрождения, воскрешения. Памятник, сувенир, трофей, реликвия, архив, летопись, дневник — помогают сохранить в памяти знаменательные события прошлого (ср.: *злопамятный*); социальная память хранит также сведения об их первоначале и истоках: *предтеча, прототип, первоисточник, первоизданный* («существовавший ранее всего остального»), *изначальный, приоритет*. Старое, типичное, привычное, традиционное, заурядное, повседневное противостоит экзотическому, уникальному, авангардному, редкому, самобытному (*беспрецедентный, исключительный, небывалый, необычайный, непревзойденный, недожженный*) — как особо ценному.

Каждое время имеет свой социальный и культурный стиль (*век скоростей/связи/космоса/компьютеров; период упадка/расцвета/застоя*), диктующий образ жизни, манеры поведения и деятельности (быть современным — значит соответствовать современному стилю жизни, ср.: *быть человеком своего времени, идти в ногу со временем, чувствовать пульс времени, опередить свое время*); дух времени проявляется во всем новом (*новости, новинка, новшество, премьера, вернисаж, изобретение, веяние*), которое затем подвергается испытанию временем: *выдержать/пройти — не выдержать/не пройти испытание временем*, ср.: *стильный vs. старомодный; мода — поветрие; ажиотаж; эпохальный, актуальный, злободневный vs. сиюминутный, мимолетный, бытпроточный, конъюнктурный; временицик; безвременье*. Отсутствие изменений и новизны влияет на восприятие происходящего — *монотонный, затянутый, нудный, однообразный, рутинный — наскучить, надоест, приестся*.

Особо важное значение в жизни общества имеет отношение к будущему. Оно связано с перспективным осознанием действительности. Для человека естественно ожидать положительных изменений (*надеяться, долгожданный, заветный, предвкушать*) и опасаться отрицательных (*тревога, предосторожность*). Но многое случается неожиданно, внезапно, вдруг (*как снег на голову, случайно наткнуться, застигнуть врасплох, растеряться, испугаться, обмереть, обомлеть, опешить, отпрянуть, ошеломить; курьез, находка, конфуз, подвох, загазетка, катастрофа, авария, беда, напасть*, ср.: **постепенный крах, *долгожданный сюрприз*), и неподконтрольно субъекту (*неотвратимый, неминуемый, неизбежный, невольный, негаданный*), поэтому полезно предвидеть результаты своих и чужих действий и возможные последствия, препятствия, помехи, преграды (*непредвиденный,*

пагубный, рискованный, непоправимый — предупредить, предотвратить, заблаговременный), а также запастись средствами (ресурсы, запас, резерв, аванс, страховать). Предвидеть будущее и контролировать его можно по-разному — рационально или иррационально (ср.: интуиция, предчувствие — загадать, предсказать, накаркать — планировать, прогнозировать), активно или пассивно (приказ, обещание, приглашение, предупреждение — лелеять надежду, мечтать, обреченность, безысходность). Активность в отношении к будущему связана с движением вперед, решительностью (прервать, пресечь, смелый, наверняка) и проявляется в осознанном и намеренном изменении мира субъектом в соответствии с его интересами; приверженность старому, устаревшему, изжившему, неприятие или игнорирование изменения — с деградацией, движением вспять (реалист — декадент). Пассивное созерцание и покорение обстоятельствам — с обреченностью, приспособлением, подчинением, вынужденностью, фатализмом — малодушный, плыть по течению, будь что будет.

Социальные стереотипы поэтому сложным образом взаимодействуют с национальным менталитетом и индивидуальными жизненными установками: человек вынужден сверять и соизмерять свои действия не только с ними, но и со своими возможностями, силами и средствами, со своим внутренним миром, решая таким образом противоречия между естественным изменением мира во времени, социально значимой реакцией на эти изменения и собственными интересами и установками. Установка на активность подразумевает добровольность, сознательный выбор и потому свободу — свободное волеизъявление, свободу выбора. Свобода активна, несвобода пассивна, ср.: *В эти минуты решалась его судьба — «без него»*. Свобода осознается, несвобода переживается. Установка поэтому — это готовность сделать выбор, и шире — готовность сделать что-то.

Как известно, жизненные установки во многом национально специфичны. (Не случайно говорят: *русская душа, южный темперамент, нордический характер, немецкая педантичность, кавказское гостеприимство, английская чопорность, а не ?южная душа, ?русский темперамент.*) Жизненные установки проявляются в ключевых концептах, отражающих мировосприятие. В русском языке оно концентрируется в связанных с жизненным временем словах *выжидать — терпеть — надеяться — смириться — судьба*. Преобладание пассивно-эмоционального над рационально-волевым в раскрывающих их сущность понятиях: *жить в нужде, тоска, мучение, участь, година, лихолетье,*

незадача, наперекосьяк, конченный, горевать, перебиваться, мыкаться, натерпеться, прозябать, загубить (ср.: «Кто нужды не видел, тот и счастья не знает»; «Бедность плачет, богатство скачет»; «Стужи да нужи нет хуже»; «Силен смирением, богат нищетою»; «Бедность и мудреного смиряет»; «Стерпится-слюбится») — свидетельствует о склонности русского характера к подчинению обстоятельствам, смирению, выжидательности, упованию на случай (ср.: *миновать, менаркоком, поневоле, везучий, нежданно-негаданно, обойдется, пронесет*). Как считает А. Вежибидкая [21], это связано, с одной стороны, с воплощением русского православного идеала смирения, а с другой — с традиционной в истории России автократической и деспотической властью. Знаменитые *авось, погодить* и *повременить* (как и *судьба, душа и тоска*, см.: [20] — не имеющие точных и прямых эквивалентов в других языках — стали своеобразным символом русского характера и склада ума: «Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь». Такую установку можно назвать пассивно оптимистичной. (Ср. англ.: *take your time* — «не спеши» = «возьми время в свои руки и активно распорядись им» и *временить* (В. Даль; уст.) — «пассивно ждать, пока пройдет время и возможно, все само собой образуется» — т. е. англ. *time* не имеет значения «ждать, выжидать».) Правда, заметно, что большой пласт соответствующей лексики выходит из употребления (*горемычный, многотрудный, мытарить, тужить, вековать, вкусить, долготерпение, кручина, безвременье, лихо, исполошить, накликасть беду* и др.), а употребление заимствованной рациональной лексики расширяется (*акселерация, анахронизм, генезис, гиподинамия, инициатива, катаклизм, ретардация, регламент, флегматик, цейтнот, эскалация, эксцесс, интенсивный, инертный, конструктивный, мобильный, превентивный, имспирировать, пролонгировать*).

Замечание. Не случайной, в связи с этим, представляется характерная для советской пропаганды эксплуатация военной терминологии в общественной жизни — *битва за урожай, взять на вооружение новый метод, трудовая вахта* и пр. В ее основе лежат идея подчинения приказу, отсутствия выбора, субординация и заданная сверху организация. Напротив, в американской прессе аналогичную — и весьма заметную — роль выполняет спортивная терминология (особенно — бейсбол, баскетбол, скачки), эксплуатирующая идею соревновательности, независимости, активности, стремления к успеху и совершенствованию (*presting, race, front runner, win, loose*) [15]. С другой стороны, «военная интерпретация» общественной жизни воплощает также характерный для русского менталитета дух коллективности [1, 15], а спортивная — индивидуальности. Способ представления событий становится инструментом формирования (и навязывания) норм поведения и жизненных установок.

Темпоральная оценка и модальность общения

В речи происходит дальнейшая прагматизация времени. Оценочные значения квазитемпоральной лексики получают дополнительную речевую интерпретацию — актуализируются (*Кто опоздал?*), нейтрализуются (*чуть не опоздал*), конкретизируются (*опоздал на пять минут*), усиливаются (*совсем опоздал*), смягчаются (*чуть опоздал*), «наводятся» на нейтральную лексику (*пришел после звонка*) или оборачиваются (ср. амбивалентные характеристики: *ловкий/ловкач, азартный, завязтый, заводной, заядлый, оборотистый, размеренный, быстрый (на расправу), бедовый, беспокойный, заработать — слишком/чересчур/чрезмерно/крайне/весьма/очень уж/больно шустрый*). Но в речи оценочные значения получает и собственно темпоральная, специализированная на обозначении времени и не имеющая в словаре оценочных смыслов лексика — *теперь, сейчас, время, пора, рано, поздно, долго, давно, скоро, вечно, всегда, часто, опять, никогда, впрямь, минута, час, момент, прошлое, будущее, настоящее* и др.

В речи оценка выражает отношение субъекта к объекту не прямо, через модус, а косвенно — формируя модальный смысл речи, модальность общения. Она выступает орудием воздействия на адресата — контроля над его поведением (в широком смысле — от текущего до долговременного [18]). Она становится проявлением авторитета (статуса), инструментом манипулирования, средством аргументации или «силового давления» [14]. Порождаемая при этом оценочность собственно темпоральной лексики опирается на ее действительные, логические и кванторные значения.

Говорящий, вынося темпоральную оценку поведения адресата, или побуждая его к действию, считает себя вправе контролировать ситуацию. Как бы используя свой авторитет, он подчеркивает свои отношения с адресатом и обращается к нему с рекомендацией, советом, наставлением, нравоучением, упреком, запрещением, осуждением или одобрением: *Лучше сделать это сейчас/позже; Тебе пора (Время) идти; Не время спорить; Рано тебе еще («нельзя»); Раньше надо было думать*, ср.: «Ого! Вы уже стали цитировать Маяковского! Раньше за вами этого не водилось. Неужели и он понадобился сейчас в игре?» (Ю. Домбровский). Деонтическая модальность [2] таких высказываний воплощает намерение говорящего поддерживать социальные нормы

поведения: при помощи темпоральных операторов *рано, пора, сейчас, время, в будущем, на будущее* и пр. он критикует, порицает, пресекает, обвиняет или поощряет действия адресата.

Наведение оценки, в частности, манипулирование ею, происходит, когда говорящий выражает ее в форме факта и чаще по отношению к третьему лицу или ситуации. Навязывая свою оценку адресату, он вуалирует ее, имплицитно, смягчает или намекает на нее (гиперпрагматизация: *частенько, изредка, нередко*), или напротив, обнажает и утрирует (гиперпрагматизация, ср.: *часто — всегда, редко — никогда, несколько раз — ежесекундно*): «Вечно у тебя, когда мы приходим, какие-то дела» (А. Арканов); «Между прочим, этот — тут Фагот указал на Бенгальского, — мне надоел. Суется *все время*, куда его не спрашивают, ложными замечаниями портит сеанс. Что бы нам такое с ним сделать?» (М. Булгаков). Цель говорящего — вызвать у адресата заданное отношение к происходящему, сделать его сторонником своих взглядов или привлечь его внимание к ненормативности или уникальности ситуации: *Что-то поезда долго нет; И давно это с ним? А ведь он никогда еще здесь не был. Звонит каждый час/день*, ср.: *Петя всегда здороваается — ?Петя здороваается*. Внешняя эпистемическая модальность [2] таких высказываний содержит оценочный смысл, воплощает намерение говорящего повлиять на оценку событий адресатом и шире — на его мировосприятие. При помощи темпоральных операторов — *всегда, никогда, ежeminутно, постоянно — не раз, иногда, не в первый раз* и пр. — он задает интерпретацию происходящего и выражает свое одобрительное или неодобрительное отношение к нему — жалуется, сетует, негодует; удивляется, восхваляет; навешивает ярлыки (*вечный студент*) или идеализирует.

Темпоральная оценка как аргумент используется говорящим для оправдания или объяснения своих прошлых или будущих действий, как повод, обоснование, причина, довод, условие или мотив поступка (ср. понятие мотивировки у Ю. Д. Апресяна [1]): *Сейчас я не могу этим заниматься, Извини, не было/нет времени, Еще рано — Есть (еще) время (= «возможность, можно»); Сейчас самое время отдохнуть*, ср.: «Я сожалею, что не могу повозить вас по городу. Не могу, *не имею времени*» (А. Арканов). «Открывать дверь? — спросила Аня. — Нет, — ответил Мышлаевский, — *повремените*. Вообще *теперь* я буду открывать, а вы не затрудняйтесь» (М. Булгаков). Ал е т и ч е с к а я модальность [2] аргументативного высказывания направлена на установление взаимодействия с адресатом, рассчитана на его участие, понимание или

примирение. При помощи операторов — *потом, позже, после, раньше, сейчас, не сейчас (теперь уже) (не) скоро; только (не) сейчас, (всего) несколько минут, прежде (всего), сразу (же)* и пр. — говорящий оправдывается, извиняется, предлагает, просит, предупреждает о своих намерениях и решениях, успокаивает (*Это минутная слабость / временные трудности/неприятности — «скоро кончатся», ср.: *временные радости/удача*); *Это все (далеко) в прошлом («сейчас это неважно»);* обнадеживает, обещает (*подходящий момент, близок момент, в (скором) будущем*).

Силовое давление на адресата говорящий оказывает через повышенную эмоциональность высказывания и интенсификацию его иллокутивной силы: *Впредь будь осторожнее (так не поступай);* ср.: «Но самое главное, что у вас нет ни малейшего стремления к улучшению жизни... У вас даже не зародилось ни на минуту сомнения в правильности своей жизни» (П. Романов); «Послушай, — сказал я, — я тебя привел в этот дом, и я должен отвечать за твое свинское поведение. *Сию минуту* извинись перед хозяйкой и мы уходим» (В. Катаев); «— Его нужно хлыстом отдрать, — возмущенно говорила Зина. — Никого драть нельзя, — волновался Филипп Филиппович, — запомни это *раз навсегда*»; «Филипп Филиппович, — прочувственно воскликнул доктор Борменталь, — *я никогда* не забуду, как полуголодным студентом явился к вам и вы приютили меня на кафедре» (М. Булгаков); «Сейчас на кухню Лизавета приходила. Говорят, мужа ее ранили. *И когда* это кончится?» (П. Романов). Коммуникативная экспрессивность высказывания подчеркивает одобрительное или неодобрительное отношение говорящего к адресату или к происходящему [10]. Темпоральные показатели при этом сочетаются с другими модальными операторами (*уже, еще, только, всего, весь, каждый* и др.), восклицательной или вопросительной интонацией и эмфазой — в результате происходит гиперболизация происходящего (*ни минуты (покоя), поминутно, целый час (день, год, вечность), вечно ты (ворчишь), без конца, никогда, как всегда — как никогда*), повышается категоричность речи (*сейчас же, сию минуту, совсем не время, и когда только/еще/же наконец, хоть когда-нибудь, сколько еще (можно), сразу же; теперь-то, теперь, когда; как только* и др.) и ее импрессивность (*бездна/море времени; ни капли времени, это стоило день жизни/целому времени*). С помощью этих средств говорящий возмущается или восхищается, ругает или льстит, обвиняет или хвалит, оскорбляет или говорит комплименты, клянется или угрожает, зарекается, приказывает или умоляет, настаивает или отговаривает,

ср.: *Что я тебе сейчас скажу!* (нетерпение) — *Вот я тебе сейчас устрою!* (угроза).

Темпоральная лексика используется как экспрессивное средство не случайно: здесь задействовано главное свойство дейксиса — и не только темпорального — акцентировать внимание на присутствующем в данное время и в данном месте объекте, выделить его из фона: *Тут ты не прав, Не тут-то было, Что уж тут говорить.* Все речевые формулы малого синтаксиса (Ю. Д. Апресян) эксплуатируют это свойство для выражения модального смысла — отношения к происходящему, ср.: *Вот оно что, И где это видано, Это еще что такое? Ну ты у меня еще попляшешь.*

Кроме того, дейксис к речи — отличительной особенностью которого является отождествление «пространства» (объема) и времени речи и представление их как нерасчлененный хронотоп (*сейчас — в данный момент речи — в данном месте изложения*) — имеет еще и свойство метатекста — это речь о своей речи, которая также имеет оценочные коннотации, связанные с учетом фактора адресата — облегчая восприятие речи, они становятся средством проявления эмпатии. Это перекрестные отсылки к уже сказанному, последующему, к началу, концу и др. Они придают определенность и связность изложению, упорядочивают и квалифицируют его фрагменты: *сначала / в первую очередь — здесь / теперь / тут / сейчас — позже / ниже / в конце — в другой раз / на следующей лекции я расскажу — кстати / кроме того / к тому же / более того* и мн. др. [9].

Таким образом, собственно темпоральная лексика, не имеющая оценочных коннотаций, в речи способна их получать и использоваться как модальный оператор, выражающий межсубъектные отношения — проявляющий их, устанавливающий, навязывающий или предлагающий мировосприятие, и выражающий эмоциональность. Причем разные способы воздействия на адресата часто переплетаются и переходят друг в друга, ср.: *Раньше надо было думать — О чем же ты раньше думал!* Оценка перспективна — от ее выражения зависят дальнейшие отношения с адресатом — воздействие, взаимодействие, противодействие, она подразумевает ответную реакцию или изменение ситуации. Задаваемая ею модальность общения проявляет прагматические свойства оценки, позволяющие сказать (выразить) больше, чем значат произнесенные слова, и воплотить неречевое — предметное (ситуативное) или духовное (ценностное) — взаимодействие субъектов.

Мир неотделим от субъекта, а субъект — от ценностей и оценок. Субъектный мир состоит в первую очередь из ценностей. Время — и универсальная, и коллективная, и индивидуальная ценность, качественный параметр, вносящий свой вклад в организацию всех других ценностей. Оценка противостоит не отсутствию оценки, а нейтральной оценке, объективности. Подобно тому парадоксальному выводу, что всякая сочетаемость слов не свободна (Е. В. Рахилина), кажется на первый взгляд преувеличением утверждение, что всякая речь оценочна (Г. А. Золотова). Но оценка — это не обязательно прямое указание на то, что хорошо или плохо, уже сам факт вербализации некоторого содержания говорит о его значимости в мире или о его небезразличии для субъекта или адресата речи. В речи временные смыслы оценочны вдвойне — как придающие ей определенность и объективность, так и как способ воплощения субъектного — неречевого, акционального — смысла. Время одновременно сирконстант, объект, субъект, предикат и оператор: количество и качество, явление и конструкт, условие и ресурс, идея и инструмент, аргумент и цель, свойство и отношение (к нему), способ и результат, индивидуальная собственность и внешний мир, мыслимое и переживаемое.

Без языка время навсегда осталось бы лишь сопутствующим устройству мира физическим обстоятельством. Вербальное осознание времени обогащает ценностный компонент картины мира. Язык позволяет не только обратить время, остановить его, обогнать или отстраниться от него, но и строить на его основе параллельные, «трансфизические», по Д. Андрееву, миры³.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ, 1995, № 1.
2. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. «Возможности» естественного языка и модальная логика // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка. М., 1990.
3. Е. М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

³ Автор выражает глубокую благодарность Т. В. Булыгиной, Н. В. Васильевой и И. М. Кобзевой, ознакомившимся с рукописью статьи и сделавшим ценные замечания.

4. Т. И. Дешериева. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // ВЯ, 1975, № 2.
5. В. И. Карасик. Язык социального статуса. М., 1992.
6. В. О. Ключевский. Исторические портреты. М., 1990.
7. М. Ф. Мурьянов. Время (понятие и слово) // ВЯ, 1978, № 2.
8. Православная церковь об аномальных явлениях / Составил А. Г. Раков. СПб., 1994.
9. Н. К. Рябцева. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
10. Н. К. Рябцева. Истинность в субъективно-модальном контексте // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
11. Л. Н. Синельникова. Лирический сюжет в языковых характеристиках. Луганск, 1993.
12. А. К. Устин. Слово в интерьере художественного текста // Художественный текст: Онтология и интерпретация. Саратов, 1992.
13. В. Comrie. Tense. Cambridge, 1985.
14. J. R. Eiser. Social psychology: Attitudes, cognition and social behavior. Cambridge, 1986.
15. M. L. Gels. The language of politics. New York, etc., 1987.
16. M. L. May. Between rules and principles: Some thoughts on notion of «metapragmatic constraint» // Acta Linguistica Hungarica. Budapest, 1992, v. 38 (№ 1-4).
17. J. Oppenheim. The other world. New York, 1985.
18. N. K. Riabtseva. Performative vs. descriptive speech // Discourse analysis. Proceedings of a conf. Turku, 1995.
19. N. Strazhas. Semiotics of work and idleness // Semiotica, 1993, v. 95, № 1/2.
20. A. Wierzbicka. The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.
21. A. Wierzbicka. Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. Oxford, 1992.

Тань Аошуан

О МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Связь времени с пространством

Пространство и время релятивизируются взглядом говорящего на мир [1, 19]. Связь между ними естественна: то, что расположено близко от человека, достигается быстро по времени, а то, что от него далеко, — медленно. Такого рода представления появляются у человека вместе с понятиями пространства и времени.

В современном китайском языке (СКЯ) понятия времени и пространства передаются парами иероглифов (бинамами) с общим элементом: *shijian* «время» и *kongjian* «пространство» (букв. «промежутки (помещения) для часов / сезонов и пустоты»). Первые знаки этих бинамов обозначают видовые, а вторые — родовые понятия. В данном случае «время» и «пространство» имеют общий родовой элемент *jian* «помещение». В каждом из этих сочетаний между морфемами наблюдается атрибутивная связь: первая — определение, вторая — определяемое.

Первый иероглиф обозначения времени — это морфема *shi*, семантика которой отражается в детерминативе со значением «солнце», а звучание в классическом написании задается фонетиком. Этот иероглиф, очевидно, связан с идеей солнечных часов, с помощью которых время членится по соотношению света и тени. К этой же идее восходит более литературное обозначение времени *guangyin*, букв. «свет и тень». В некоторых диалектах Китая слово *guangyin* означает и «дни» в смысле смены света и тени. Двенадцать часов дня, когда солнце стоит прямо над головой, называются *zhongwu* — «середина *wu*». Знак *wu* — это один из двенадцати циклических знаков *di zhi* («земных ветвей»), обозначающих время суток¹.

¹ Время в Китае традиционно исчисляется двумя координатами (этот способ исчисления был заимствован многими регионами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии). Первая из них — это «небесные стволы» *tian gan*, насчитывающие 10 элементов, вторая — *di zhi* из 12 элементов. Эти координаты, либо по отдельности, либо в сочетании друг с другом, обозначают время суток, дни и служат порядковыми номерами. Например годы обозначаются одним из 60 циклических элементов, полученных сочетанием *tian gan* и *di zhi*. Исторические события часто именовались посредством подобного обозначения года (например, «Синьхайская революция»).

Каждый знак из системы «земных ветвей» репрезентирует один час — *shi* (это другое значение уже рассмотренного знака). Каждый *shi*, в свою очередь, делится на два «малых часа» *xiao shi*, которых в сутках всего 24. Час *wu* приходится на середину дня (с 11 до 13 час.), а середина *wu* — это как раз 12 часов, когда солнечный свет оставляет минимум места для тени, 12 часов ночи, когда мир погружен в полную тьму, называется *wu ye* «середина ночи»; здесь знак *wu* имеет переносное значение «середина». Согласно двенадцатичасовому циклу суточного времени, первый час суток продолжается с 11 часов вечера до часа ночи. Это время называется *zi shi*; знак *zi* — первый элемент системы 12 циклических знаков *di zhi*.

Связь понятия времени с понятием помещения говорит о неотделимости в наивной картине мира китайцев понятия времени от понятия пространства. Даже обозначение мельчайшей частицы времени посредством иероглифа *shun* с детерминативом «глаз», подразумевающим мигание глаза², также может иметь в качестве второго компонента иероглиф *jian* «помещение»: сочетание *shun jian* — это «один миг».

Понятие времени как зарубки (ср. «час» в русском переводе Нового Завета, о котором столь убедительно рассказала Е. С. Яковлева [2]) в СКЯ передается биномом *shi ke*, второй иероглиф которого значит «зарубка». Здесь мы наблюдаем переход от наивной к научной картине мира, о чем свидетельствуют отметины на солнечных или водяных часах, наносимые человеком для деления времени суток. Вообще, в языковой картине китайцев время не только измеряется по долготе, ср.:

Yao duo chang shi jian

<Потребуется какой длины время> («Сколько понадобится времени»),

оно сравнивается с золотом общим графико-семантическим элементом *sun*³, как видно из популярной поговорки:

Yi sun guangyin yi sun jin² sun jin nan tai sun guangyin

«Один цунь света и тени равняется одному цуню золота,

но на цунь золота трудно купить цунь света и тени».

Любопытно, что в современном (сокращенном) написании иероглифа «время» верхняя составляющая фонетика опускается, в

² Интересно отметить, что обозначение минимального кванта времени в русском языке также соотносится с миганием глаза.

³ Десятая часть единицы длины *shi*, которая примерно равна трети метра.

результате чего остается тот же знак *сил*, таким образом иероглиф оказывается возможным интерпретировать как идеограмму — сочетание «солнца» и «цуня» со значением «цунь солнца». Такая «народная» этимология еще раз подтверждает реальность реконструируемых нами китайских представлений о времени.

Зафиксировав связь времени и пространства в словах «время/час» и «миг», перейдем к реконструкции модели времени по языковым данным, т. е. по словоупотреблениям СКЯ, имеющим отношение ко времени. Многие из них восходят к словам, связанным с пространственными координатами.

Две модели времени

В языковой картине мира китайцев сосуществуют две модели времени: линейно-историческая [3, 32–33] и традиционная, которую можно назвать антропоцентрической. Обе точки зрения на время содержатся в значениях целого ряда слов, словосочетаний и фразеологизмов, образованных в основном двумя антонимическими парами локативов: *qian* «спереди» — *hou* «сзади» и *shang* «верх» — *xia* «низ», двумя глаголами перемещения, противопоставленными по направлению *lai* «прийти» и *qu* «уйти», а также наречием, связанным и с понятием пространства, и с понятием времени. Это морфема *xian* со значением «первое по порядку», «находящееся спереди, сначала, раньше». Морфема *xian* вступает в синонимическое отношение с морфемой *qian* «спереди» в сочетании *xian qian* «раньше», «прежде». Обе морфемы входят в один класс рифм⁴, а их инициалы — согласные одного места образования.

Включение морфемы *xian*, наряду с морфемой *qian*, в базовый список иероглифов, формирующих модель времени в КЯ, объясняется тем, что в словообразовательном процессе эти морфемы находятся в дистрибутивном отношении: биномы, содержащие одну из них, противопоставляются сочетаниям с общим вторым членом оппозиции — морфемой *hou* «сзади». Ср. сочетания с общеродовым названием *ren* «человек (люди)»: *qian ren* «предшествующие поколения», *xian ren* «предки» — *hou ren* «последующие поколения», «потомки». Сочетания этих морфем с общеродовым обозначением неба или природы дает биномы *xian tian* «врож-

⁴ Т. е. это слоги, совпадающие по финалям. Согласно традиционной китайской фонологии, иероглиф (слогоморфема) делится на инициаль и финаль или рифму.

денное» и *hou tian* «благоприобретенное». Ср. также фразеологизмы *xian fa zhi ren* «захватить инициативу» и *hou fa zhi ren* «оставить главный козырь напоследок».

Иероглиф *xian* «раньше», «первый с начала» выступает в паре с иероглифом *hou* «сзади» в смысле «позже» в идиоматических выражениях, связанных с делами людей, *xian lai hou dao* «пришел раньше, прибыл позже» в смысле «по порядку», *xian li hou bing* «сначала мирно (по-хорошему), а потом силой», *xian zhan hou zou* «сначала казнить, потом доложить» («поставить перед совершившимся фактом»), *xian tian bu zu, hou tian shi tiao* «если обижен природой (от природы слаб здоровьем), после рождения появляются дисфункции (плохое здоровье)», *xian xiao ren, hou junzi* «[лучше] сначала [поступать, как] ничтожный человек, [чтобы] потом [выглядеть] благородным мужем» («тщательно договориться обо всем заранее, чтобы не было разговоров потом»), *xian tianxia zhi you er you, hou tianxia zhi le er le* «в первую очередь думать о горе народном и в последнюю о радости для себя» («там, где трудно, быть первым, а получать блага — последним»).

Знак *xian*, в отличие от синонимичного ему знака *qian* «спереди» «прежде», порождает целый ряд абстрактно-философских понятий. В сочетании со словом *sheng* «голос» это *xian sheng* «предвестие, первые признаки», в сочетании со словом *zhao* «примета» — *xian zhao* «предвестие, знак, предзнаменование», в сочетании с морфемой *zhe* «философы» — *xian zhe* «древние мудрецы», в сочетании со словом *zhi* «знать» — *xian zhi* «пророк», в сочетании со словом *yan* «опыт эмпирический» — *xian yan* «трансцендентный» (*xian yan zhexue* «Трансцендентная философия»).

Сам факт, что локатив *hou* в значении «после, потом» значительно продуктивнее, чем *qian* «прежде» или *xian* «раньше» (39 сочетаний с *hou* против 27 сочетаний с *qian* и 26 сочетаний с *xian*⁵), свидетельствуют о его роли «слуги двух господ».

Пара локативов *qian* и *hou* легко приобретает временное значение в составе предлогов *yiqian* «до того» и *yihou* «после того» (они же наречные имена со значениями «раньше» и «впредь»). Использование пары локативов *shang* «верх» и *xia* «низ» отражает вторичную метафоризацию того же языкового материала: из пространственного взаиморасположения развивается значение субординации в общественном сознании — господства и подчинения, значение качества «лучше/хуже» и порядковое значение «пер-

⁵ Все приведенные в работе лексикографические данные базируются на словарных статьях [4]

вое/второе» (во временном плане — «предшествующее» и «последующее»).

Выделенные нами семь базовых знаков и четыре пары антонимов *qian/hou*, *xian/hou*, *shang/xia*, *lai/qi* образуют двоичную временную систему, в которой фиксируются только прошедший и будущий срезы. Настоящее время — это время речи или точка отсчета во времени. Это время говорящего или наблюдателя, понимаемое по умолчанию.

Каждая из названных четырех пар морфем имеет свою предметную область, выражающуюся в семантике второго знака сочетания. Например, за парой *qian/hou* закреплены понятия, связанные с человеческим родом и с делами человеческими, что отражается в таких сочетаниях, как *qian/hou bei* «предшествующее (старшее)/последующее (младшее) поколение», *qian/hou ren* «предшественник / сменщик по службе», *qian/hou shi* «прошлая/будущая жизнь» (жизнь в прошлом и будущем перерождениях). Ср. также пословицы:

Qian ren zhong shu, hou ren cheng liang

«Старшее (предшествующее) поколение сажает деревья,

[чтобы] младшие (последующие) поколения

наслаждались прокладой» («трудиться на благо потомков»);

Qian shi bu wang, hou shi zhi shi

«Не забывать о прошлом — вот урок для будущего».

К этой группе также относятся обозначения династий *Qian/hou Han* «Ранняя/поздняя Хань», такие обозначения родственных отношений, как *qian fu* «муж в первом браке» и *qian qi* «жена в первом браке», а также фразеологизмы *qian gong jin qi* «все прежние усилия пошли прахом», *shi wu qian li* «беспрецедентный в истории», *qian suo wei wen* «не слышано, не видано». Последние выражения асимметричны в том смысле, что для них не существует антонимических сочетаний, содержащих второй член оппозиции (т. е. *qian* есть, а *hou* отсутствует).

Пара *qian/hou* также очень продуктивна в отношении образования временных выражений. Вообще все базовые морфемы берут на себя основную нагрузку в формировании системы обозначений времени. Они дополнительно распределены в отношении образования временных слов в сочетании с родовыми понятиями «год» (*nian*), «месяц» (*Yue*), «декада» (*xun*) и «день» (*tian*). Отглагольные прилагательные *lai* «приходящий» и *qi* «уходящий» образуют сочетания *lai nian* «будущий год» и *qi nian* «прошлый год». Пара

qian/hou дает аналогичные сочетания со значением «позапрошлый год» и «год после будущего года».

Пара *shang/xia* с *yue* «месяц» дает сочетания *shang ban ge yue* «первая половина месяца», *xia ban ge yue* «вторая половина месяца». *Shang/xia* в сочетании с родовым словом *xun* «декада» дают сочетания *shang xun* «первая декада» и *xia xun* «последняя декада». Локативы *shang/xia* в сочетании со словами *xingqi* или *zhou* «неделя» дают выражения *shang xingqi*, *shang zhou* «прошлая неделя» и *xia xingqi*, *xia zhou* «следующая неделя».

Оба обозначения недели отражают цикличность времени: *xingqi* дословно значит «звездный цикл», а *zhou* означает «замкнутый круг». Здесь мы сталкиваемся с альтернативной моделью времени — со временем как последовательностью повторяющихся однотипных событий [5, 30]. Варианты употребления зависят от функционального стиля текста и диалекта.

Пара *shang/xia*, как и пара *qian/hou*, сочетается со знаками, выражающими понятие рода, поколения, исторического периода и т. п. Буддийская идея жизни в прошлых и будущих циклах рождения передается сочетаниями с *qian* и *xia* в качестве первых знаков и *shi* «мир» или *sheng* «жизнь» — вторых. Многие сочетания создаются только одним членом пары.

Временные понятия, выражаемые парой пространственных координат *qian/hou*, в редких случаях коррелируют с пространственными значениями и являются метафорами последних: ср. слова *qian jing* «пейзаж (вид) спереди» («перспективы») с переносным значением «будущее» и *qian cheng* «путь вперед» («будущее») в сочетании *qian cheng yuan da* «блестящее будущее». Сочетание *hou* с *lu* «дорога» во фразеологизме *meiyou hou lu* в переносном смысле означает «нет пути к возврату (назад)». Иными словами, линейно-историческая модель времени порождается родовыми знаками с пространственными значениями типа *jing* «пейзаж», *cheng* «путь», *lu* «дорога». Сочетания, отражающие такую модель времени, немногочисленны.

Подавляющее большинство лексических образований, содержащих *qian* и *hou*, коррелируют с пространственными значениями опосредованно. Например, те, кто родился раньше говорящего, это «впереди идущие», его предшественники *qian ren*, а те, кто родился позже него, это «следующие за ним», его потомки *hou ren*. Таким образом, линейное историческое время отсчитывается говорящим как бы в обратном порядке, задом наперед.

Время ассоциируется с тропинкой в прошлое, протоптанной представителями человеческого рода. Протекание времени вос-

принимается ретроспективно и релятивизируется последовательностью вступления на этот путь людей: те, которые идут впереди, уходят в прошлое раньше. Наблюдатель или говорящий как бы повернуты лицом в прошлое; он, делая шаг по этому пути, удлиняет историю еще на одно поколение. Тем самым он уступает место поколению, следующему за ним. Человек мыслится как активное начало,двигающееся навстречу истории. Это поступательное движение хорошо выражается фразеологизмом *hou lang tui qian lang* «волна позади толкает волну впереди» («волна за волной»).

Что же касается линейно-исторической точки зрения на время, то она значительно чаще находит свое выражение в паре понятий *lai* «приходящее» и *qi* «уходящее». Здесь мы имеем дело со случаем, когда человек повернут лицом к будущему: сочетание *wei lai* «будущее» это буквально «еще не пришедшее». Направительный глагол *lai* здесь подразумевает движение в сторону говорящего от будущего, а направительный глагол *qi* — движение от говорящего к прошлому. Ср. выражение *guo qi* «прошлый» (букв. «миновавший что-то и ушедший»). Это «что-то» и есть говорящий, «Я», связанный с координатами «сейчас» и «здесь»⁶.

В этой модели человек является пассивным элементом. Будущее приходит к нему, минуя «сейчас», и уходит в прошлое. Морфемы *lai* и *hou* как обозначения будущего пересекаются во фразеологизмах, выражающих похвалу высшему художественному совершенству. Глядя на живопись танского поэта и пейзажиста Ван Вэя, великий поэт эпохи Сун Су Дунпо произнес знаменитые слова:

Shi zhong you hua, hua zhong you shi

«В [его] поэзии есть живопись, [а] в [его] живописи — поэзия»

и затем воскликнул:

Qian wu gu ren, hou wu lai zhe

«Среди предшествующих древних художников не было [подобных ему], и не будет [ему равных] среди приходящих (потомков)!».

В данном контексте точкой отсчета в пространстве и времени является сам поэт-пейзажист.

⁶ Любопытно, что в китайском языке первый компонент (иероглиф) слова *xianzai* «сейчас» содержит фонетик *jian* со значением «видеть», а второй компонент *zai* означает «находиться». Как видно, китайское слово «сейчас» непосредственно связано с понятиями «я» и «здесь»: «в то время, когда субъект восприятия (говорящий) видит место, где он находится».

Обе модели времени динамичны, хотя их поступательное движение по отношению к говорящему в одном случае идет сзади, а в другом — спереди. Обе модели не предполагают момента речи «сейчас», следовательно и самого говорящего, который существует как некая точка отсчета (ср. статичность и асимметричность первой разновидности линейной временной модели, выражаемой понятием *qian jing* «перспектива — будущее»).

Обе точки зрения на время сосуществуют в базовой лексике КЯ, дополняя друг друга. Ср. *qian tian* «позавчера», *hou tian* «послезавтра» и *lai nian* «приходящий (будущий) год», *qu nian* «ушедший (прошлый) год». Однако пара *qian/hou* несравнимо более продуктивна, чем пара *lai/qu*. Морфемы *hou* и *lai* вступают в отношении синонимии только при выражении значения жизни в будущем рождении с родовым словом *shi*, в котором отражены обе модели времени. Сочетание *hou lai* «потом» ориентировано исключительно на некую точку отсчета до момента речи. *Hou* указывает на начало отрезка времени за этой точкой, а *lai* — направление самого отрезка, который продолжается до момента речи (включая или не включая его в себя). В русском языке слово «потом» ориентировано исключительно на какую-то точку отсчета во времени, и отрезок времени, соотносимый с «потом», может включать в себя и время после момента речи. Это отличие, свойственное морфеме *lai*, объясняет частые неправильные употребления изучающих КЯ, которым неизвестна ограничительная роль данной лексической единицы (временная протяженность *lai* замыкается на моменте речи говорящего).

В этой связи следует отметить, что даже отглагольные прилагательные *lai* и *qu* далеко не всегда выражают идею первый — будущего, а второй — прошедшего времени. Можно найти сочетания, в которых члены этой оппозиции имеют обратные значения. Например, это слово *laili* «происхождение», «прошлое» в сочетании *laili bu ming de ren* «человек с неясным прошлым» или слово *lailu* «путь, откуда пришел человек (предмет)»: *lailu bu ming de dongxi* «вещи темного происхождения». Сочетание *bie lai yu jiang shi nian* означает: «с момента расставания уже прошло почти десять лет» и т. д. У отглагольного прилагательного *qu*, соответственно, может реализовываться значение «пойти», как, например, в выражении *bu zhi qu xiang* «не знать, куда пойти (на какой путь встать)».

Из этого можно заключить, что глаголы *lai* и *qu* сами по себе не задают определенные временные координаты. Их интерпретация как будущего или прошлого исключительно зависит от того,

в какую сторону повернут лицом говорящий. Временные выражения, содержащие *lai* и *qi*, по сути дела отражают эгоцентрическую модель времени.

Любопытно, что дихотомия *qian/hou* также используется для противопоставления старшего и младшего из ныне живущих поколений: *qian bei* «старшее поколение» и *hou bei* «младшее поколение». Это соответствует представлению о непрерывном континууме на жизненном пути, заполненном сменяющимися друг друга поколениями людей.

Антропоцентрическая модель времени воплощает замкнутые пространственные представления китайцев о мире, выражающиеся в термине *tian xia* «Поднебесная» (в смысле «Китай»). Это эгоцентрическое замкнутое представление о пространстве и мире коррелирует с замкнутым взглядом на историческое время. Время отсчитывается по смене поколений и смене династий в Поднебесной, что отражает культ предшествующих поколений и преклонение перед властителями и мудрецами ранних династий, которые с точки зрения конфуцианства достойны подражания. Этот эгоцентризм не пошатнул знания о существовании другой цивилизации (страны Да Цинь — Византии) еще в первые века новой эры (см. официальную историю династии Хань). Так же и крушение идеи «Поднебесной» не уничтожило в языковой картине мира традиционной модели времени.

Таким образом, в «культурной модели» времени китайцев можно обнаружить следующее. У них идея времени «очеловечена» сменой поколений и их преемственностью, причем направление поступательного движения здесь обратно по отношению к европейскому менталитету, как, например, в представлении о движении волн: *hou lang tui qian lang* «задние волны подгоняют передние». Сرتроичное деление, при котором исходная точка «сегодня» оставляет «вчера» в прошлом и смотрит вперед на «завтра».

В китайском языковом сознании агенсом поступательного движения выступает человеческий род, а не само время (ср. европейскую метафору «время бежит»), хотя быстрое течение времени и сравнивается с полетом стрелы: *guang yin ru jian* «свет и тень [сменяются так быстро], как [летит] стрела». Само представление о времени как *guang yin* «[смена] света [и] тени» тоже двоично. Его поступательное движение воспринимается не как бег вперед, а как безвозвратный уход куда-то. Отсюда и поэтические строки, ставшие известной пословицей:

Guang yin ru liu shui, yi qi bu fu fan

«Светотень подобна текущей воде, однажды уйдя, снова не возвращается».

Реконструкция языковой картины времени на материале современного китайского языка показывает, что модель времени здесь не однородна. Эта черта, видимо, присуща многим цивилизациям, у которых наивная картина мира сосуществует с научным взглядом на данный феномен. Однако культурно-историческая, обусловленная антропологически модель времени все же имеет абсолютное преобладание в лексике. Тем не менее, форма самого слова «время» отражает «естественно-научные» представления о времени, что объясняется развитостью в Древнем Китае таких наук, как астрономия. Именно астрономия играет важную роль в жизни такой крупной аграрной страны, как Китай⁷. Знаменитые обсерватории и сооружения для наблюдения звезд там всегда строились в комплексе с разными видами часов, без которых невозможно обеспечить строгость наблюдения и записи.

Продуктивность базовых иероглифов в образовании устойчивых лексических сочетаний, отражающих две модели времени в СКЯ⁸

Морфемы	Антропоцентрическая модель	Линейно-историческая модель
qian 4, 5, 6	27	
qian 7		3
xian 1, 2, 3, 4	26	
hou 2, 4	39	
hou 1		1
shang 3	15	
xia 3	10	
lai 10	6	
lai 9		5
qu 5	8	
qu 6		3

⁷ Сам факт существования аграрного календаря, сочетающего в себе лунный календарь с солнечным, и наличие системы 24 временных сезонов (шесть для каждого времени года), указывающих на изменения угла падения солнечных лучей и служащих инструкциями для проведения сельскохозяйственных работ, свидетельствуют о развитости в Древнем Китае научных представлений о времени.

⁸ Цифры после транскрипций иероглифов соответствуют номерам значений в словаре [4]

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986, вып. 28.
2. Е. С. Яковлева. Час в системе русских названий времени // Наст. сб., с. 267-280.
3. Б. А. Успенский. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1989, вып. 23.
4. Xiandai Hanyu cidian («Словарь современного китайского языка»). Пекин, 1984.
5. Е. С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Автореф. докт. диссертации. М., 1992.

ВРЕМЯ И ВОСТОЧНАЯ АСТРОЛОГИЯ

Всему свое время
Народная мудрость

1. В моей работе восточная астрология представлена не как система гадания или предсказания судьбы (хотя это основная функция астрологии как науки о судьбе — судьбоведении), а в контексте реконструкции принципов отображения общей восточной картины мира. Поскольку основным понятием, которым оперирует восточная астрология, является концепт *thì* «время», то я попытаюсь раскрыть его содержание и формы его существования в той части, в которой оно связано с астрологией (концептуальный аспект), и показать, с одной стороны, какую роль оно играет в жизни человека, и, с другой стороны, как оно отражается в его языковом сознании (языковой аспект). Во вьетнамском языке, например, существует специальный «астрологический» лексикон, т. е. пласт особых лексических единиц, выражающих астрологические понятия (об этом см. ниже).

2. Концепт «время» взаимодействует со следующими концептами:

а) *âm* «инь» и *du'ông* «ян», которые понимаются как всеобщие действующие законы природы, и

б) порожденные ими концепты *ngũ hành* [нгу хань] «пять первоэлементов или стихий»:

kim [ким] «металл» (Венера)¹

thuy' [туи] «вода» (Меркурий)

hoa' [хоа] «огонь» (Марс)

thổ [тхо] «земля» (Сатурн)

mộc [мок] «дерево» (Юпитер).

3. Исходными данными, составляющими восточную астрологию, являются *năm* «год», *tháng* «месяц», *ngày* «день» и *giờ* «час». Эти временные единицы исчисляются по системе измерения времени, базируемой на естественном чередовании фаз луны, что послужило основой для составления лунного календаря, который не совсем совпадает с солнечным календарем.

¹ Здесь и далее в этом параграфе в круглых скобках даются соответствующие термины западной астрологии.

Лунный год состоит из 12 месяцев, но первый месяц лунного года не совпадает с первым месяцем солнечного года, т. е. с январем.

Лунный месяц длится то 30 дней, то 29 дней. Таким образом, в лунном году 354 или 355 дней.

Лунный день (сутки) состоит из 12 лунных часов.

Каждый лунный час представляет собой двухчасовой отрезок. Первый лунный час длится с 23 часов вечера до часу ночи.

4. Время и нинь—ян. Выделяются следующие дифференциации.

а) Различаются иневое и яновое время. Это различие основано на древнефилософской теории чисел, согласно которой четные числа — земные, или «иневые», а нечетные числа — небесные, или «яновые». Иневое время исчисляется четными числами, например: 2, 4, 6, 8, 10, 12 и т. д., а яновое время — нечетными числами, например: 1, 3, 5, 7, 9, 11 и т. д.

б) Различаются два цикла исчисления времени: небесный и земной.

Небесный цикл десятиричный, заключающий в себе десять небесных *сан* «кан» (стволов): *Giáp* [Зяп] (1), *Át* [Ат] (2), *Bính* [Бинь] (3), *Đinh* [Динь] (4), *Mâu* [Мау] (5), *Kí* [Ки] (6), *Sanh* [Кань] (7), *Tân* [Тан] (8), *Nhâm* [Ням] (9), *Quý* [Куи] (10). Таким образом, Зяп (1), Бинь (3), Мау (5), Кань (7), Ням (9) — яновые «каны», а Ат (2), Динь (4), Ки (6), Тан (8), Куи (10) — иневые «каны».

Земной цикл двенадцатеричный, состоящий из двенадцати земных «тьи» (ветвей), называемых по именам двенадцати животных: *Tí* [Ти] «мышь» (1), *Sửu* [Шюу] «буйвол» (2), *Dân* [Зан] «тигр» (3), *Mão* [Мао] «кошка» (4), *Thìn* [Тхинь] «дракон» (5), *Tỵ* [Ти] «змея» (6), *Ngo* [Нго] «лошадь» (7), *Mùi* [Муи] «коза» (8), *Thân* [Тхан] «обезьяна» (9), *Dậu* [Зау] «петух» (10), *Thiât* [Туат] «собака» (11), *Hợi* [Хой] «свинья» (12). Таким образом, нечетные земные «тьи»: Ти «мышь» (1), Зан «тигр» (3), Тхинь «дракон» (5), Нго «лошадь», Тхан «обезьяна» (9), Туат «собака» (11) — яновые «тьи», а четные земные «тьи»: Шюу «буйвол» (2), Мао «кошка» (4), Ти «змея» (6), Муи «коза» (8), Зау «петух» (10), Хой «свинья» (12) — иневые «тьи».

По лунному календарю 1995 году приписывается имя *хой* «свинья» (год Ат-Хой). Первому месяцу года приписывается имя *зан* «тигр». 23 часа — 1 час ночи — это первый час, называемый час-ти «мышь».

Сочетание десятиричного цикла с двенадцатеричным циклом дает 60 различных комбинаций «кан-тьи», составляющих Великий Цикл Времени.

Таблица 1

кан	зап	ат	бинь	дннь	мау	ки	кань	тань	ням	куи
ти	1		41		49		55		59	
шыу		2		42		50		56		60
зан	13		3		48		51		57	
мао		14		4		44		52		58
тхин	23		15		5		45		53	
ти		24		16		6		46		54
нго	31		25		17		7		47	
муи		32		26		18		8		48
тхан	37		33		27		19		9	
зау		38		34		28		20		10
туат	11		39		35		29		21	
хой		12		40		36		30		22

Таким образом, каждому из исходных данных (год, месяц, день, час) приписывается, с одной стороны, инь или ян (год «иневый» или «яновый», месяц «иневый» или «яновый» и т. д.), с другой стороны, «кан-ты» (год зап-ти, год ат-шыу и т. д.; месяц зап-ти, месяц ат-шыу и т. д.; день зап-ти, день ат-шыу и т. д.; час зап-ти, час ат-шыу и т. д.).

б. Время и «нгу хань» (пять стихий). Пять стихий находятся друг с другом в двух отношениях: в отношении *sinh* [шин], что означает «порождение» и в отношении *khac* [хак] — «противостояние».

а) Отношение порождения. Металл (М) порождает воду (В). Вода порождает дерево (Д). Дерево порождает огонь (О). Огонь порождает землю (З). Земля порождает металл. Вот таков круг порождения. Образное представление отношения порождения см. на рисунке 1.

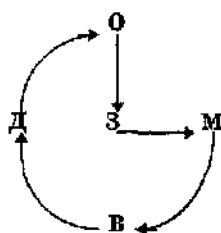

Рис. 1

Комментарий к рис. 1. Стрелка → показывает векторность отношения порождения. Например, В → Д означает, что вода порождает дерево.

Отношение порождения предопределяет два типа компонентов: порождающий и порождаемый. В паре $D \rightarrow O$, например, D является порождающим компонентом, а O — порождаемым. Поскольку один и тот же первоэлемент может быть компонентом разных пар, он может выполнять и функцию порождающего (в одной паре), и функцию порождаемого (в другой паре).

б) Отношение противостояния. Металл противостоит дереву (D). Дерево противостоит земле (Z), Земля противостоит воде (B), Вода противостоит огню (O), Огонь противостоит металлу (M). Векторность отношения противостояния представлена на рисунке 2.

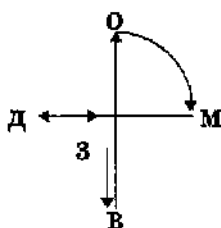

Рис. 2

Комментарий к рис. 2. Стрелка \rightarrow показывает векторность отношения противостояния. Например, $O \rightarrow M$ означает, что огонь противостоит металлу.

Отношение противостояния предопределяет два типа компонентов: противостоящий и резист, т. е. предмет (объект), которому противостоит другой предмет (объект). К примеру можно взять пару $M \rightarrow D$, где M является противостоящим, а D — резистом. Отсюда выходит, что один и тот же компонент может быть одновременно и противостоящим (в одной паре) и резистом (в другой паре).

Каждому из десяти «небесных кан» приписывается одна из пяти стихий:

- зан и ат — «металл»
- бинь и динь — «вода»
- мау и ки — «огонь»
- кань и тан — «земля»
- ням и кун — «дерево».

Каждому из двенадцати «земных ты» приписывается одна из пяти стихий:

- хой («свинья») и ти («мышь») — «вода»
- зан («тигр») и мао («кошка») — «дерево»

ти («змея») и нго («лошадь») — «огонь»

тихан («обезьяна») и зау («петух») — «металл»

тихин («дракон»), туют («собака»), шыу («буйвол») и муй («коза») — «земля».

6. Практическое значение исследования концепта «время».

Представленная картина мира показывает единство природы и человека, который как часть природы во многом зависит от нее. Одной из природных сил, которые постоянно оказывают влияние (как положительное, так и отрицательное) на жизнь, на судьбу человека, является время. Человек познает время во всех его закономерных действиях, тем самым познает и самого себя. И этот процесс познания человеком мира и себя отражается в языке.

Рассмотрим два случая:

а) Концептуальная модель человека. На основе взаимодействия времени и знаков инь и ян можно построить такую схему классификации людей: люди делятся на две основные категории — «иневые» и «яновые». Среди «иневых» людей бывают «иневые» мужчины и «иневые» женщины. Среди «яновых» людей бывают «яновые» мужчины и «яновые» женщины.

«Иневые» люди характеризуются мягкостью поведения, стремлением к компромиссу, способностью вести домашнее хозяйство, воспитывать детей и т. д.

«Яновые» люди характеризуются твердостью поведения, стремлением использовать силы при решении проблем, способностью к общественной деятельности.

б) Языковая модель человека. Остановимся на анализе семантики одного языкового выражения, связанного с понятием времени: *Gid nào việc ấy* (букв.: «какой час такое дело») — рус. *всему свое время*. Это выражение, как мне кажется, существует в любом языке мира. Оно означает, что все должно делаться вовремя, своевременно. От соблюдения (или не соблюдения) этого мудрого совета большей частью зависят великие славные подвиги, большие удачи (или катастрофы, несчастье). А что значит «вовремя», «своевременно»?

Ответ на этот вопрос можно найти в следующих понятиях: *h'op* «совместимость» и *hing* «несовместимость», «противостояние».

Совместимы друг с другом люди, которые по году рождения

а) носят противоположные знаки: человек-инь и человек-ян совместимы;

б) попадают в одну из следующих трехчленных комбинаций:
тхан «обезьяна» — *ти* «мышь» — *тхин* «дракон»
хой «свинья» — *мао* «кошка» — *муй* «коза»
зан «тигр» — *нго* «лошадь» — *туат* «собака»
ти «змея» — *зау* «петух» — *шыу* «буйвол».

Несовместимы друг с другом, или противостоят друг другу люди, которые по году рождения

а) носят одинаковые знаки: человек-инь и человек-инь несовместимы; человек-ян и человек-ян несовместимы;

б) попадают в одну из следующих четырехчленных комбинаций:

ти «мышь» — *нго* «лошадь» — *мао* «кошка» — *зау* «петух»
тхин «дракон» — *туат* «собака» — *шыу* «буйвол» — *муй*
«коза»
зан «тигр» — *тхан* «обезьяна» — *ти* «змея» — *хой* «свинья».

Такое положение вещей отражается и сохраняется по сей день в национальных традициях и обычаях вьетнамского народа, например, в обычаях сватовства, свадьбы, в деле строительства домов, в открытии торговых предприятий, в заключении коммерческих сделок и т. д.

Н. А. Потаенко

ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ (ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ОПИСАНИЯ)

Анализу были подвергнуты способы выражения темпоральности в ряде индоевропейских языков. Целью исследования ставилось выяснение возможностей построения целостной модели языковой темпоральности, основанной на данных, отражающих:

- характер представленности времени в значениях языковых единиц;
- закономерности становления языковых средств с временным значением в онтогенезе и в филогенезе;
- характер темпоральности коммуникативных единиц;
- механизм оязыковления времени.

В ходе исследования обозначились более исследованные на предмет темпоральности языковые фрагменты (отдельные группы лексики, грамматические разряды в отдельных языках) и менее исследованные (общие вопросы временной семантики). Временной компонент в структуре языковых единиц неодинаков по своему характеру и занимает в этой структуре разное положение. Это могут быть специализированные временные морфемы, специальная темпоральная лексика, синтаксические конструкции, несущие временную информацию. Вместе с тем, временной компонент может быть интегрирован в семантической структуре слова. Так, в словах: *мальш*, *юноша*, *аксакал* проявляется возрастная градация; *спазм*, *взрыв* — направленность в будущее; *золотая свадьба* содержит имплицированный временной элемент (50 лет).

Наблюдение за функционированием «темпорального блока» языкового механизма [13–15] показывает, что в своем речевом поведении участники коммуникации по необходимости учитывают как внешние условия развертывания сообщения во времени, так и условия внутреннего характера, касающиеся скрытого механизма организации сообщения. Так, употребление выражения *доброе утро* предполагает определенное время дня, начальный этап коммуникации, наличие других приветствий (*добрый день*, *добрый вечер* и т. д.). Наиболее типичной формой проявления временного компонента служит обстоятельство времени. Многообразная гамма временных значений, передаваемых обстоятельствами времени, сводится к трем основным группам: *когда*, *протяженность во времени*, *частота*.

Организирующим центром временной ориентации высказывания является момент речи, который выступает в нескольких ипостасях: как время акта речи, как координата семантического содержания сообщения, как строевой элемент языковой категории времени.

Языки разных семей располагают единицами для ориентирования высказывания на момент речи. К наиболее типичным и регулярным в этом плане обычно относят грамматикализованные временные формы, причем не обязательно глаголов. Время в этом случае изображается в виде прямой линии, представляющей его как «бесконечное множество моментов, имеющих линейное расположение и дискретных по своей природе» [19, 39]. Такая шкала градуирована как в направлении прошлого, так и в направлении будущего следующим образом: *только что — вот-вот, вчера — завтра, позавчера — послезавтра, недавно — скоро, на прошлой неделе* и т. д.

Впрочем, ориентация на актуальное настоящее в словах типа: *вчера была хорошая погода, на завтра* обещают дождь — является лишь частным случаем привлечения такой шкалы. На практике же она используется для ориентации объектов семантического пространства, находящихся с актуальным настоящим в косвенной связи, например, *он обещал прийти на следующий день* (*он обещал* подразумевает ориентацию на время произнесения — шкала с включением настоящего, а *прийти на следующий день* дает ориентацию относительно другой шкалы, имеющей следующие деления: день, предшествующий обещанию — день обещания — следующий день и т. д. Констатация *часы спешат* предполагает совмещение шкалы реального времени (включающей момент речи), шкалы эталонных часов и шкалы спешащих часов. Несколько шкал задействовано в высказывании *этот человек моложе (старше) своих лет*. Языковая практика свидетельствует о широком привлечении для построения и интерпретации высказываний временных моделей (шкал, осей) следующих видов:

- шкала природных явлений (или сезонная шкала с делениями: весна, лето, осень, зима;
- суточная шкала, градуированная следующим образом: восход солнца, заря, утро, день и т. д.;
- возрастная шкала (или шкала жизненного пространства: рождение — младенчество — детство — отрочество и т. д. К вышеперечисленным добавляются деления, социально ориентированные: дошкольный/школьный возраст, несовершеннолетие/совершеннолетие, трудоспособный/пенсионный возраст;

- циферблат — наиболее распространенная, обладающая упорядоченной номенклатурой единиц шкала. Она органично сочетается с «суточной» шкалой: 8 часов утра, 2 часа ночи;
- календарь — сложная иерархия его единиц позволяет осуществить наряду с мегаориентацией на бесконечной упорядоченной числовой оси, идущей в двух направлениях, также макроориентацию в пределах недели, имеющую циклический характер;
- событийная шкала. Для нее характерно отсутствие общей ранжированности событий на одной оси, как в календаре. Точкой отсчета могут быть, в принципе, любые события, известные говорящим и принятые в качестве ориентира (*во сне, на Пасху*). Как правило, высказывание строится с одновременным использованием нескольких временных моделей, причем наблюдается регулярное их совмещение, проецирование явлений друг на друга и на разные модели. Так, рассмотрение явлений на фоне «суточной» шкалы дает следующий ряд: *ночная бабочка, утренняя прохлада, дневная смена*. В зависимости от выбора системы отсчета одно и то же событие получит разное описание: *в дни (годы) своей юности; когда ему (ей) было 18 лет; на девятнадцатом году своей жизни; сколько-то лет тому назад; до своей женитьбы (до замужества)* и т. д.

Несколько изменяя угол рассмотрения, мы обратим далее внимание на участие языка в создании многочисленных приспособлений, позволяющих человеку распределять свою деятельность во времени и осуществлять разнообразные манипуляции, тем самым воздействуя на естественный ход событий и придавая им желаемую временную структуру.

Показательным в этом плане является обширный класс текстов, представляющих собой детально структурированное знаковое поле, моделирующее определенный событийный континуум. В качестве примера могут послужить графики движения поездов, самолетов, астрономические таблицы, различные виды календарей, расписания учебных занятий, программы конференций, съездов, фестивалей и т. д. В содержательном плане тексты такого характера представляют собой идеальное событийное пространство¹ с обозначенными пространственными и временными границами, где каждому событию отведено определенное место в ряду других. Использование вышеупомянутых текстов в качестве средства временной ориентации основано, как правило, на взаимодействии с рядом

¹ Под идеальным пространством подразумевается его концептуальный характер, отнесенность к разряду мыслительных конструкций.

других систем временной ориентации. Так, например, планирование учебного процесса происходит с учетом структуры конкретного календарного года, где немаловажную роль играет сочетание рабочих, выходных и праздничных дней. Детально моделируется также структура отдельного рабочего дня, в рамках которого прорабатывается последовательность видов деятельности, продолжительность уроков и перемен; определяется структура недели, семестра, учебного года в целом.

Календарь, как известно, служил и служит не только для мегаориентации (упорядочение событий давно минувших и исчисление и ранжирование событий грядущих), но и для макроориентации (организация деятельности в рамках дня, недели, месяца, года). Исходя из этого в структуре календаря отражалась ритмика движения планет (исчисление суток, месяцев, годов), учитывался событийный ряд (датировка эр от «сотворения мира», от рождества Христова, от основания Рима). В свое время в Афинах счет велся по годам правления высших должностных лиц — архонтов, в Древнем Риме — по годам правления консулов. Точкой отсчета служили и олимпиады, проводившиеся в Древней Греции, и царские династии. При формировании структуры календаря во внимание принимались хозяйственные, а также политические соображения (начало года и его внутренняя структура значительно варьируют от одного календаря к другому). Одной из разновидностей моделирования является практика составления гороскопов. Представление будущего в виде ряда сценариев предполагает возможность выбора одного из них в качестве наиболее приемлемого для реализации сферы физического, интеллектуального и духовного.

В рамках биоритмологии, где предметом изучения являются временные закономерности изменений, происходящих на разных уровнях организации биосферы, предложена и уточняется глобальная модель суточных, месячных, сезонных и многолетних ритмов [18, 37].

Система часовых поясов являет собой один из способов упорядочения местных времен и служит удобным средством ориентации в их множестве. В свое время это стало значительным достижением; ведь, например, в Европе Средних веков в каждой местности время «воспринималось как самостоятельное, присущее только ей и никак не согласованное со временем других мест» [6, 117].

Как одну из разновидностей временных моделей можно рассматривать систему нотной записи.

Художественные тексты в своем большинстве также представляют различные варианты временных моделей. Художественное же

время, как оказалось, имеет необычайно сложную структуру многослойного характера, что создает большие трудности для его описания в рамках существующей терминологии. Собственно говоря, концептуальная модель времени, будь то художественное время или время физической теории, также является средством ориентации как в теоретической, так и в практической деятельности.

Насколько сложен характер концептуальных моделей, позволяет увидеть знакомство с текстами специального характера, авторы которых пытались соблюсти строгость и непротиворечивость в описании времени, т. е. создать эксплицитную модель. История исследования времени демонстрирует многообразие подходов при его описании и истолковании.

Так, в диалоге Платона «Тимей» время представляется как средство, позволяющее Всевышнему передать образ вечности. Имея задачу «сотворить некое движущееся подобие вечности», Создатель «творит... вечный же образ, движущийся от числа к числу», что и зовется временем» [6, 478].

Аристотель в «Физике», исходя из того, что время не существует без движения и изменения, но и не является движением, считал, что «время есть некоторое число», а точнее — «число движения», «число перемещения», и уточняет там же, что «время есть именно число считаемое, а не посредством которого мы считаем» [2, 149–150].

Аврелий Августин в своей «Исповеди», не найдя возможности дать времени более или менее ясного определения, в результате мучительных размышлений делает следующую констатацию: «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени: настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание» [1, 170].

По определению Исаака Ньютона, «время и пространство составляют как бы вместительница самих себя и всего существующего. Во времени все располагается в смысле порядка последовательности, в пространстве — в смысле порядка положения... время само по себе и по своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и называется иначе длительностью» [12, 30–31].

Иную трактовку дает Иммануил Кант. Оспаривая у времени, говоря его словами, «всякое притязание на абсолютную реальность», он следующим образом налагает свою точку зрения:

«а) Время не есть нечто такое, что существовало бы само по себе или было бы присуще вещам как объективное определение и, стало быть, оставалось бы, если отвлечься от всех субъективных условий созерцания вещей... б) Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т. е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния... в) Время есть априорное формальное условие всех явлений вообще» [10, 137–138].

В работах Альберта Эйнштейна время представлено в виде четвертой координаты, составляющей единство с тремя пространственными координатами, с помощью которых удобно описывать пространственно-временной континуум. Время измеряется при помощи часов, роль которых может играть любая система, «которая автоматически повторяет один и тот же процесс. Число уже повторившихся процессов такого рода, причем за первый можно принять любой процесс, и есть время, измеренное часами. Показания часов, одновременные с некоторым событием, мы называем временем события, измеренным этими часами» [17, 416]. Приведенные определения достаточно ясно демонстрируют основные способы категориального представления (концептуального моделирования) времени. Скажем лишь, что существующие попытки создания концептуальной модели, которая бы позволила непротиворечиво вписать временную компоненту в контекст других, пока вызывают больше вопросов, нежели дают ответов. Процесс концептуализации времени в качестве объекта изучения затрагивает интересы многих дисциплин. В свое время Я. Хинтика заметил, что «наша понятийная система работает подобно очень сложному аппарату, связывающему наше знание с реальностью, являющейся объектом этого знания. Этот аппарат настолько сложен, что мы не знаем, что из его содержимого является элементом интересующей нас реальности, а что только отражает способ функционирования самого аппарата» [16, 173]. О том, что это действительно так, мы можем судить по временному фрагменту этой системы.

Так, языковая практика свидетельствует о том, что отдельные носители языка владеют в разной степени разветвленной системой языковых единиц, позволяющих конструировать многочисленные высказывания. Эти высказывания представляют собой оязыковленное (вербальное) выражение серий психических комплексов (что часто понимается как содержание высказывания).

В отечественной науке широко представлена точка зрения, согласно которой «текст высказывания есть результат вербализации некоторого содержания, сформированного в коде, отличном от языкового (звучкового и национально-языкового), либо еще до начала высказывания, либо — в некоторых частях — по ходу вербализации» [4, 144].

Мысль о существовании универсально-предметного кода (УПК) последовательно проводится в работах Н. И. Жинкина, по мнению которого УПК представляет собой «стык речи и интеллекта». Именно здесь, по его мнению, совершается «перевод мысли на язык человека». Причем, УПК «имеет общую структуру для обработки не только вербальной информации о действительности, поступающей через разные органы чувств» [8, 54–55]. Интеллект же представляет собой «динамическую модель действительности, в которой уже нет слов в их обычном сенсорном состоянии. Смысловые связи могут быть представлены как наглядные схемы в разнобразной конфигурации в виде иерархического дерева и т. п.» [8, 130]. Добавим, что интеллект и сенсорика рассматриваются Н. И. Жинкиным как комплементарные механизмы для приема и обработки информации — «без одного нет другого» [8, 128]. И он же — «не так просто решить, где кончается сенсорика и начинается интеллект, а поэтому может оказаться, что сам интеллект способен проникнуть в сенсорнику» [8, 63]. Мозг обладает способностью разворачивать «целый модельный мир, объекты которого для мозга сенсорно эквивалентны объектам окружающего мира. Изложенное относится не только к объектам как таковым, но также к их свойствам и отношениям» [7, 47].

Ряд фактов дает исследователям основание говорить о том, что «человек живет и функционирует не только в пространстве и времени реального физического, социального мира, а еще в своих личных индивидуальных пространстве и времени, зависимых от него, им же обусловленных, без него невозможных, но объективно реальных так же, как объективно реально существует сам субъект» [3, 149].

В этой связи в психологии введены категории личностного времени, субъективно переживаемого времени, временной структуры сознания личности, психологического времени [5]. Обратим внимание на то важное обстоятельство, что информация, поступившая в мозг в разное время и в определенной последовательности (она является важной составляющей индивидуального пространственно-временного континуума), эта информация может быть извлечена из памяти и вызвана на «табло сознания» уже в

иной последовательности, т. е. ей может быть придана другая временная структура. Изменениям подвергаются временные параметры и самих воспринятых событий. Метаморфозы подобного рода особенно ярко проявляются во сне, при определенных патологиях, в результате воздействия психотропных веществ.

Здесь начинается область, во многом неизведанная. Мы можем констатировать, что в процессе интериоризации времени появляются качественно разные образования: представления, образы, понятия, категории и т. д., о чем свидетельствуют соответствующие классы слов. Вместе с тем мы пока не располагаем адекватным описанием механизма, закономерностей и сущности перехода, трансформации временного опыта во временную семантику единиц языка.

Ряд экспериментальных данных свидетельствуют о том, что хранение словоформ и их семантических коррелятов осуществляется разными отделами коры головного мозга [11]. Вместе с тем, наблюдается такое тесное их взаимодействие, что данный факт позволяет исследователям говорить о том, что «в подавляющем большинстве случаев человек оперирует элементами «модельного мира», не отделяя их от слова» [9, 117].

Разные этапы процесса интериоризации подвергаются маркированию средствами языка, другими словами, «оязыковываются» и, будучи таким образом представленными в языке, используются для создания широкого класса концептуальных моделей. Поскольку оязыкованию подвергаются разные способы и этапы интериоризации времени, то значения языковых единиц представляют собой своеобразные проекции недоступных для прямого наблюдения аспектов временного бытия человека и разнообразных временных трансформаций.

В этой связи только сведение воедино данных различных дисциплин позволило бы приоткрыть завесу таинственности над тем, что в сознании человека и вне его стоит за словом *время*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврелий Августин. Исповедь. М., 1992.
2. Аристотель. Физика // Аристотель. Соч. в 4-х томах. М., 1981, т. 3.
3. Н. Н. Брагина, Т. А. Доброхотова. Функциональные асимметрии человека. М., 1981.

4. И. Н. Горелов. Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности // Исследования речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
5. Е. И. Головаха, А. А. Кроник. Психологическое время личности. Киев, 1984.
6. А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1984.
7. Я. Г. Дорфман, В. М. Сергеев. Нейроморфогенез и модели мира в сетях нейронных процессоров // Интеллектуальные процессы и их моделирование. М., 1987.
8. Н. И. Жинкин. Речь как проводник информации. М., 1984.
9. А. А. Залевская. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
10. И. Кант. Критика чистого разума // И. Кант. Соч. в 6 томах. М., 1964, т. 3.
11. А. Р. Лурья. Язык и сознание. М., 1979.
12. И. Ньютон. Математические начала натуральной философии. Пг., 1915-1916.
13. Н. А. Потаенко. Словарные дефиниции как средство выявления принципов организации лексики // ВЯ, 1980, № 5.
14. Н. А. Потаенко. К языковому освоению временной структуры действительности // ВЯ, 1984, № 6.
15. Н. А. Потаенко. Временные значения в языковой коммуникации // Функционально-семантические характеристики предложения во французском языке. Пятигорск, 1993.
16. Я. Хинтиikka. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
17. А. Эйнштейн. Теория относительности // А. Эйнштейн. Собрание научных трудов в 4-х томах. М., 1965, т. 1.
18. В. Н. Ягоднянский. Ритм, ритм, ритм. М., 1985.
19. *Vet Co. Temps, aspects et adverbes de temps en français contemporain.* Amsterdam, 1979.